

Дример М.
Истории о золоте и огне

Сказки и сказания

Дример М.

**Истории о золоте и
огне. Сказки и сказания**

«Издательские решения»

Дример М.

Истории о золоте и огне. Сказки и сказания / Дример М. —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901359-0

В «Истории о золоте и огне» включены сказки, не вошедшие в первый сборник «Сказки ракров, а также самостоятельные циклы — «Рёки из птичьего гнезда», «Король Тумана» и «Огненная птица Найра». Эти циклы можно назвать сказками — а можно и сказаниями, наподобие саг и скел, где герои проходят весь путь до самой смерти через мир, фантастический лишь с точки зрения жителя другого мира.

ISBN 978-5-44-901359-0

© Дример М.
© Издательские решения

Содержание

Истории о золоте и огне	6
Сказки Раков	7
Танцующий Шедни	7
Лысая шкура	8
Мирг и раненая птица	9
Ослик с бурого берега	11
Леший из Больших Коряг	12
Почти настоящий лебедь	13
Дзит из ледяного леса	14
Пчёлы Шенра и мёд Келби	15
Крунрек и кукла-Шунглу	16
Водяной-усатый	18
Голодный гырк по имени Крыг	19
Когтистые руки	20
Шкатулка с птицей арн	21
Дрэки из Скального Дворца	22
Горбатая лань	23
Охотники на тнаков	24
Медный человечек	25
Мост водного народца	26
Не толстый, не рыжий	27
Обруч с золотой искрией	27
Красно-золотой зверь	28
Мастер морского царя	29
Мёртвое поле	30
Корзинка	31
Птица, которая возвращалась утром	31
Белая плесень	32
Плавучий остров	33
Твари, которые не кусаются	34
Пчелиная тропа	35
Желания одного мальчика	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Истории о золоте и огне Сказки и сказания

Дример М.

© Дример М., 2017

ISBN 978-5-4490-1359-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Истории о золоте и огне

Все сказки начались для нас. Шуршит
Глазастый лес и тянется к границе,
И тур уже отчаянно бежит
От мёртвой рощи за волшебной птицей.

Оставлен дом; народ ночной листвы
Советы шепчет, стягивая сети,
А мы уже достаточно мертвы,
Чтобы из двух тропинок выбрать третью.

Огни у беглецов в руках горят
Над ледяной рекой, над бурым склоном,
И в этот раз идут не жертвы в ад,
А тот, кто изменил его законы.

Уже скользит один из кораблей
Осколки чёрных льдов неся с собою;
Прошедшие дорогу по земле
Ступают в пену тёмного прибоя.

За горизонтом прячет пелена,
Как принесённых с пенным водопадом
Выплёскивает горькая волна
На берега сияющего сада.

Сказки Ракров

От ракров

Древняя сказка не знает морали. Она не притча и не басня, чтобы обрезать свои же живые побеги.

Сказка не знает оправданий и объяснений. Она лишь говорит, что выросло из брошенного зерна.

Сказка не знает намерений, надежд и ожиданий. Она лишь говорит, по какой дороге отправился путник.

Сказка не знает хэппи-энда. Она лишь говорит о смерти и изменении.

Сказка не знает оценки. Она лишь говорит, что будет, если послушаться советов ворона, воспользоваться топором, который рубит что угодно или сбежать из клетки, не сбросив оленью шкуру.

Мы не толкуем свои сказки. Мы их рассказываем.

Танцующий Шедни

По ту сторону ночи, в стране гнуров и гыркков, жил мальчик по имени Шедни. Однажды он пришёл к своим дядьям и старшим братьям, так сказал:

– Я уж вырос! Назовите меня мужчиной, дайте коня и оружие – я отправлюсь своей дорогой.

Тогда дядья и старшие братья принесли железную иглу, схватили Шедни и выкололи ему глаз. После чего сказали:

– Теперь мы можем называть тебя мужчиной.

Дали ему коня и иглу. Отправился Шедни прочь. Голова его болела не переставая, он не останавливался на отдых и сон много дней. Конь его пал наконец, тогда Шедни дальше пешком пошёл.

Услышал однажды вечером вдали карканье воронов. Пошёл туда, выбрался на костяное поле. Видит – по полю одноглазый старик идёт. Спрятался тогда в кустах Шедни, стал смотреть, что будет дальше. Шёл старик по полю, шёл, затем остановился и на землю пальцем показал. Тут же крылья захлопали, из-за вершин деревьев крылатые женщины в железной одежде показались, к старику слетели. Подхватился тогда Шедни, прочь побежал. Долго бежал, выбрался наконец к ракрскому поселению.

Подбежал к ракрам, показал железную иглу и так сказал:

– Смотрите, что у меня есть! Если этой иглой глаз выколоть, то потом женщины сами прилетать будут. Давайте я вам тоже глаза выколю!

– Не надо нам глаза выкалывать, – сказали ракры.

Тогда Шедни ушёл за околицу, на берег речки, стал танцевать там. Танцевал-танцевал, наконец любопытная молодая рикра к нему приблизилась, стала в такт притопывать. Кружил вокруг неё Шедни, кружил, совсем близко подступил – ткнул в неё иглой. Упала раненая рикра.

– Я помогу тебе, – сказал тогда Шедни. Взял её на руки, в лес потащил. Закричала рикра, звать стала. Выскочили жители поселения на улицу, догнали Шедни, рикру у него отобрали. Самого его в болото ближнее бросили.

Выбрался ночью Шедни из болота, к другому посёлку пошёл. Стал в темноте между домов танцевать, по заборам постукивать. На него собаки лаять стали. Вышел наконец из ближнего дома хозяин, спрашивает:

– Что ты шумишь, спать мешаешь?

– Тебя выманиваю, – ответил Шедни. Подскочил в танце к вышедшему, ткнул его иглой и рассмеялся.

Позвал тогда раненый соседей на помощь. Выскочили ракры из домов, схватили Шедни. Повели его к болотам, старший из ракров так позвал:

– Есть ли здесь те, для кого этот танцор свой, кто примет его к себе?

Не ответили ему из болот.

Тогда повели ракры Шедни в другую сторону, в пустыню. Там старший из ракров снова позвал:

– Есть ли здесь те, для кого этот танцор свой, кто примет его к себе?

Не ответили ему из пустыни.

Тогда повели ракры Шедни к скалам с глубокими пещерами. В третий раз старший из ракров позвал:

– Есть ли здесь те, для кого этот танцор свой, кто примет его к себе?

Ответили из пещер:

– Мы узнаём его, он наш, пусть спускается!

Упёрся тогда Шедни, закричал:

– Я не хочу в глубокие пещеры! Я к людям хочу!

Застучали-загудели тогда из-под земли барабаны – танцуй, спускайся! Тут ракры бросили Шедни в подземные ходы, и больше не было о нём ни слуху, ни духу.

Лысая шкура

По ту сторону ночи, за лесом и холмами, стоял один посёлок. Однажды Хет принёс к нему мор, передохла вся скотина. Собрались жители посёлка, говорить стали:

– Что нам делать? Голодать будем, не на что нам теперь даже у дальних соседей скотину купить.

Тогда одна женщина взяла своего сына, мальчика со шрамами на щеках, и отправилась в холмы. Девять дней её не было. Вернулась без ребёнка, привела оленя с золотыми рогами. Сказала:

– Я пожертвовала сына Хозяйке Подземья, она мне оленя дала. Где топнет копытом этот олень – там самородок золота остаётся.

Тут олень топнул ногой, и на земле появился кусок золота.

Поставили жители селения железную клетку возле самого дома той женщины, завели туда оленя, сказали:

– Вот твой дворец, лучший из лучших. Ты будешь здесь жить. А если почаще ногой топать будешь, то и яства тебе будем приносить самые царские!

Стал олень биться в клетке, бодать её рогами. Не сломал клетку, только рога погнул, отвалились они наконец у него. Люди сказали:

– Зачем ты себе рога сломал, глупый! У тебя же теперь голова болеть и будет. А нам придётся тебе новые рога делать. Ты лучше ногой топай – копыта не отвалятся.

Сделали ему новые рога из мягкого дерева, слюдой покрасили, к голове привязали. Стал олень ногой тогда топтать. Как топнет – золото появляется.

Собрали люди золото. Накупили скота, зерна, вещей всяких у соседей. Сеять-растить не стали: зачем с полями-скотиной возиться, когда золото каждый день под окном появляется? А женщина, приведшая оленя, большой пучык над дверью повесила, и все её уважать стали.

Приносили оленю еду: корзины с кыпlickами, какими не жалко. Говорили:

– Вот твоя еда, лучшая из лучших!

Стал олень кыпlickи есть. Похудел, шерсть выпадать у него стала; шкура чесалась, пытался он её о клетку тереть. Сказали люди:

– Зачем ты себе всю шерсть о стены обдираешь, глупый? Нам придётся тебе новую шерсть теперь делать, Лысая Шкура!

И они покрыли оленя ковром, чтобы спрятать его бока. Стал тогда Лысая Шкура бешено копытом бить, золото из земли выколачивать. Так бил, что сломал себе наконец ногу.

Видят люди – нет больше с оленя проку. Тогда вывели они его из клетки и прочь в лес выгнали. Поковылял он в сторону Подземья – встретил старую рикру по дороге.

– Хочешь, я тебя вылечу, и тебе незачем будет идти в Подземье? – спросила рикра.

Олень только прочь шарахнулся.

– Если хочешь идти в Подземье – иди, – сказала рикра. – согласишься хотя бы на шею вот это надеть?

Показала Лысой Шкуре шнурок с каменной звёздочкой. Дался олень; надела на него шнурок рикра и своей дорогой пошла. А Лысая Шкура доковылял на трёх ногах ко входу в Подземье, загрубил. Вышла ему навстречу хозяйка Подземья, вынесла на подносе два плода:

– Выбирай, какой из них съесть. Один вылечит твоё тело, тогда я заберу тебя к себе в Подземье. Второй отравит и убьёт тебя, тогда я заберу твои рога и шкуру, прибью их на стену.

Обнюхал Лысая шкура плоды: один пах горько, другой сладко. Схватил он зубами горький плод, съел его. Тут же яд побежал по его телу, упал он мёртвым. Взяла хозяйка Подземья ковёр, которым олень был покрыт, взяла деревянные рога, с ними в свои владения ушла.

А мёртвый олень превратился в мальчика со шрамами на щеках. Загорелась на шее у него каменная звёздочка. Пришла на свет старая рикра, плеснула ребёнку на лицо воды. Открыл тот глаза, рикра его спросила:

– Теперь ты достаточно умер?

– Да, я достаточно умер.

С этими словами он встал и медленно-медленно захромал по тёмной дороге, прочь от селения и Подземья, в совсем другие края.

Мирг и раненая птица

По ту сторону ночи жил ткач по имени Мирг. Делал он ковры о диком шиповнике, о горных соснах, о гривистых морских конях. Однажды проснулся он, видит – испорчена кем-то его работа, содраны со станка нити, по всему дому разбросаны.

Заново натянул он нити, соткал за день новый узор. Лёг вечером, будто спать. Как ночь пришла, впорхнула в его комнату серо-золотая птица с железными когтями, с кривыми крыльями. К станку метнулась, стала сотканное когтями рвать. Вскочил Мирг, к птице бросился – та от него прочь шарахнулась, вон из дома. Погнался за ней. Долетела птица до большой пещеры и внутри спряталась.

Дошёл Мирг до пещеры, внутрь ступил – ход за ним закрылся. Видит он: кости на полу лежат грудой, станок ткацкий стоит с работой неоконченной. Озеро в узоре виднеется, деревья в озере отражаются; небо над озером есть, земли у озера нет.

– Помоги мне, – сказала тогда ткачу птица. – Это озеро Сиор, к которому мне не добраться, не долететь: много туда лёту, а крылья мои изломаны. Доделай мне этот ковёр!

Видит Мирг: не натянет птица нити своими лапами, не управится с челноком когтями. Сел тогда за станок, птица – ему на руку. Стал ткать шиповник на берегу. Воскликнула птица:

– Нет такого шиповника на озере Сиор!

Так вцепилась ему в руку, что совсем разодрала когтями. Не мог Мирг ни работать дальше, ни даже отмахнуться от птицы. Лёг он у стены пещеры на холодный пол, а птица села рядом и стала плакать. Долго плакала. Наконец, увидела, что рука у ткача заживать стала, тогда сказала:

– Сделай мне настоящие берега озера Сиор!

– Я их сделаю, – сказал Мирг, – но не надо больше калечить мне руки.

Птица пообещала. Тогда сел ткач за работу, птица – ему на руку. Стал он делать сосны на берегу озера. Забеспокоилась птица, наконец воскликнула:

– Нет таких сосен на озере Сиор!

Так судорожно вцепилась ему в руку, что в мясо разорвала её когтями. Снова лёг ткач на пол у стены пещеры, а птица села рядом и стала плакать. Долго плакала. Наконец, увидела, что рука у ткача заживать стала, тогда сказала:

– Сделай мне настоящие берега озера Сиор! Я не буду больше рвать тебе руки, я же обещала!

Но ткач схватил птицу и сильно ударил головой о камень. Затем разжёл костёр и бросил в огонь эту птицу с серо-золотыми перьями. Только сжёг – открылась скала, смог он наружу выйти.

Домой вернулся, руку лечил. Снова за станок свой сел, видит – не двигается как раньше рука, не выздоровела, узор не выходит. Позвал он тогда сына:

– Иди сюда, помоги мне сделать эту работу!

Сел мальчик за станок, Мирг рядом встал. Смотрит – не управляется ребёнок с челноком, криво идёт нить. Схватил он его тогда за руку:

– Стой, ты не то делаешь!

– Мне больно! – воскликнул мальчик.

Холодно стало ткачу, как в каменной сырой пещере. Отпустил руку сына, сказал:

– Тогда иди, не надо мне помогать. Я сам доделаю.

Стал Мирг сам работать: медленно-медленно ткал сосны горного склона.

Шли дни и ночи; однажды утром увидел он, что вновь вся работа его испорчена, содраны со станка нити, по всему дому разбросаны.

Вышел тогда из дома, отправился к пещере. Увидел сидящую перед ней серо-золотую птицу, спросил:

– Я сжёг тебя, я оставил твой пепел в пещере. Отчего я снова вижу тебя здесь?

– Некуда мне идти, не на чем мне подняться в Синие Страны – не держат меня крылья. Я не отступлюсь, пока ты не сделаешь мой ковёр таким, каким он должен быть!

Тогда Мирг схватил птицу, затолкал в мешок и понёс с собой. Через холмы пошёл, через болота, через леса – добрался до самого настоящего озера Сиор, где кружили серо-золотые птицы. Там он вынул птицу из мешка. Увидела птица, где она, и бешено забилась, пытаясь вырваться. Взял тогда ткач цепь, надел птице на лапу, прибил цепь к большому прочному камню. Рвалась птица, пыталась спрятаться обратно в мешок, руки Мирга когтями хватала. Удержала её цепь, убрал ткач мешок подальше.

Слетелись тогда остальные птицы со всего озера, окружили прикованную птицу, стали говорить:

– Смотрите! Смотрите, кто к нам вернулся!

Тогда птица на цепи замерла, закрыла глаза и совсем перестала шевелиться.

А Мирг отправился в обратный путь – шагать через леса, болота, холмы, долечивать руку, продолжать тканый узор о горных соснах.

Ослик с бурого берега

По ту сторону ночи, за зелёными холмами, за ледяной рекой, за бурым берегом лежит пустыня. Грифы над пустыней кружат, старые кости в песке белеют, скорпионы под камнями прячутся.

Раз шли через эту пустыню погорельцы. Сжигало их солнце, жалили их скорпионы, порченная вода их убивала. Год они шли, из семи дюжин только три дюжины в живых остались. К концу года выбрались на край пустыни, видят: река течёт, бурая трава на её берегу поднимается, мыши-птицы в кустах прячутся.

– Это прекрасная земля, – сказали они. – Мы поставимся здесь.

Сделали себе новые дома, распахали землю для полей, жить стали. Пролетал над бурым берегом Эиль – разожгли для него костры, затрубили для него в трубы. Сбросил Эиль дождь, от которого выросли на полях круглобокие тыквы. Собрали их люди, изжарили и съели, только одну оставили у очага. Раздулась тыква за ночь, к утру треснула – вышел из неё маленький ослик.

Нашёлся ослику хозяин, приставил к работе: грузы таскать. Вот шёл однажды ослик с поклажей по берегу реки, присмотрелся, видит – зелёная и сочная трава на другом берегу. Сказал он тогда хозяину:

– Смотри, на том берегу такая сочная и высокая трава! Давай туда переберёмся.

– Это тебе отсюда так кажется, – ответил хозяин. – А через реку нам не перебраться: ледяная она.

Ступил ослик ногой в реку: холодна как текучий лёд была вода. Убрал ногу, дальше груз понёс.

В другой раз ослик нёс по берегу поклажу, присмотрелся, видит: выгнутые радужные мосты сверкают на том берегу. Сказал он тогда хозяину:

– Смотри, как красиво на том берегу! Сделай мост, у тебя ведь есть руки – тогда мы сможем через воду перебраться.

– Эта радуга убежит от тебя, если за ней погонишься, – ответил тот. – Лучше носи свой тюк домой, там я тебе дам поесть и отдохнуть.

В третий раз потом ослик нёс по берегу поклажу. Присмотрелся, видит: множество зверей на том берегу собралось. Входят они в ледяную воду, пьют её и не замерзают. Громко крикнул ослик:

– Как вы там оказались? Как не замерзаете в ледяной воде?

Тогда подняла голову старая дикая туриха, протрубила ему в ответ:

– Мы жуём побеги искрии, и они нас греют. Мы не боимся холодной воды!

Стал тогда ослик плакать: на буром берегу не росло искрии, нечем было ему согреться. Громко плакал. Тогда хозяин стал бить его, пока ослик не замолчал.

Донёс ослик тюки, оставили его во дворе. Подошёл он тогда к летнему очагу во дворе, стал тихонько жаловаться на холодную воду. Ответил ему очаг:

– Возьми мой уголь, в нём достаточно тепла, чтобы ты мог добраться до другого берега.

Схватил тогда ослик уголь в зубы, кинулся к реке, вбежал в воду и поплыл. Закричали ему вслед хозяева:

– Ты что же – бросаешь нас ради зелёной травы? Бросаешь работу своей жизни ради ускользающего моста?

Но ослик доплыл до другого берега и там перестал их слышать. На берегу встретил он туриху и незнакомых зверей. Ещё нашёл побеги искрии: стал есть их и греться.

Год там бродил. Однажды пил из реки воду, увидел: на буром берегу другие ослики поклажу носят, овцы траву щиплют, собаки за ними присматривают. Спросил тогда зверей с зелёного берега:

– Откуда все они там взялись?

Ответила старая туриха:

– Эиль посылает дожди на оба берега, рождаются и там растения и звери.

– Я пойду, приведу их сюда – ведь у нас гораздо лучше! – воскликнул тогда ослик.

– Не ходи, – сказала ему туриха. – Если повезёт – без хвоста вернёшься, если не повезёт – там останешься.

Но ослик бросился в реку, переплыл её и подбежал к незнакомым осликам:

– Пойдёмте со мной, за реку! Там очень хорошо!

– Хорошо будет нам, когда мы доделаем свою работу и нас покормят, – ответили ослики. –

А ты, бродяга, останешься мокрым и голодным – так тебе и надо!

Вздыхнул ослик и пошёл прочь к реке. Тогда увидел его хозяин и закричал:

– Куда помчался! Ты всё ещё должен нам за свой побег, мы из-за твоей дури работника потеряли!

Свистнул он собак, погнались за осликом собаки, ухватили его за ноги, за хвост. Рванулся ослик в воду: от ледяной воды разжали зубы собаки, кроме одной, которая так вцепилась в ослиный хвост, что совсем его отгрызла. Выбрался ослик на зелёный берег покусанный, никто с бурого берега не последовал за ним. А хвост у ослика больше никогда не отрос, так он без него и жил дальше.

Леший из Больших Коряг

По ту сторону ночи, в стране арофов, жили три соседа. Раз отправились к Большим Корягам за дровами. Пришли, нож в землю у берлоги лешего воткнули, стали дерево валить. Упало дерево, придавило одного из арофов ветками.

– Ты живой? – спросили его соседи.

– Живой, – ответил лесоруб.

– Так вылезай из-под веток.

Не вылез. Двое остальных разрубили тогда дерево на дрова, сняли ветки с товарища.

– Вставай, – говорят. – Домой пойдём.

Не встал. Тогда двое соседей положили его на повозку вместе с дровами и так до дома донесли. Шапка арофа в лесу на порубке осталась лежать. Дома соседи его на кровать сложили, ушли.

Долго ароф из дома не выходил. Вышел наконец, видит – изгородь возле дома обвалилась, чурбаны для растопки лежат неколотые. Взял топор, стал для изгороди новые колья точить, в землю их вбивать. Колья в землю не входили. Перекладину начал ставить – всю изгородь до конца обвалил. Чурбаки колоть взялся – не раскальвались чурбаки, только топор с топорщица слетел, курёнка в дворе убил.

Мимо сосед проходил, говорит:

– Что ты изгородь так расколотил? Давай помогу, поправлю её тебе.

– Ступай прочь, не в изгороди дело – ответил ароф.

– Да ты сам не справишься, у тебя рука крива, – с этими словами вошёл сосед во двор и стал колья заново ставить. Схватил тогда ароф топорщицу, с ним за соседом погнался. Не догнал, убежал сосед.

Шёл мимо прохожий ракр. Спросил арофа:

– Как у тебя жизнь течёт, всё ли ладно?

– Не всё, – сказал ароф. – Соседи у меня тупые и вредные с тех пор, как от Больших Коряг вернулись. И топор совсем негодный стал, с топорича слетел. Нужен мне топор.

– Соседей я тебе не поправлю, а топор новый могу продать за монету с перчаткой.

Купил у него ароф новый топор за монету с перчаткой. Пошёл потом в лес за своей потерянной шапкой. Идёт, чувствует – тяжело идти, тропинка корни под ноги подпихивает. Посох себе подобрал, с ним поковылял дальше. Огляделся, видит – не туда забрёл, далеко до Больших Коряг оттуда. Еле к дому выбрался. Другой сосед его у калитки встретил, говорит:

– Куда ты со своими кривыми ногами в лес ходишь! В другой раз вообще к дому не выберешься!

Замахнулся ароф на соседа своим посохом. Убежал сосед.

Снова шёл мимо прохожий ракр. Спросил арофа:

– Как у тебя жизнь течёт, всё ли ладно?

– Не всё, – сказал ароф. – Леший с Больших Коряг меня по лесу водит, мотает, а шапку свою я в лесу потерял. Нужна мне шапка.

– С лешим я тебя не подружу, – сказал ракр. – А шапку новую принести могу, за монету с перчаткой.

Купил у него ароф шапку. Стал дальше жить, как умел. Однажды ночью деревянная лапа до рассвета стучалась ему в дверь. Утром посмотрел ароф – почти не осталось монет в кубышке, только на донце. Взял он тогда свой посох, к ракру в гости пошёл.

– Опять у меня не всё ладно, – говорит. – Работа не спорится, монеты кончаются, соседи травят, леший водит, по ночам в дверь деревянной лапой стучит. Мог бы ты мне в этом помочь?

– Нет, – ответил ракр. – Это разве что лекари из Пещер-под-Корнями. Они умеют сделать так, чтобы и деревянная рука твоя гнулась, и деревянная нога ходила.

– Зачем мне лекари? Не болят у меня больше ни рука, ни нога с тех пор, как после Больших Коряг срослись.

– В деревяшки они у тебя срослись, вот и не болят больше. А хватать-ходить как тебе надо – не могут.

Тогда отправился ароф к лекарям в Пещеры-Под-Корнями. Луну его не было. Как вернулся, снова топор его слушаться начал, и леший ни по тропинкам не водил, ни домой не стучался.

Почти настоящий лебедь

По ту сторону ночи жил один гнур по имени Ойрм. Была у него в хозяйстве утка. Вылупились у неё однажды утята – среди них один большой и серый, гадкий с виду. Как увидел его Ойрм, сказал:

– Какой гадкий утёнок! Я могу вырастить из тебя настоящего лебедя!

Ойрм принёс белой и красной краски, раскрасил птенцу пух и клюв. Получился почти настоящий лебедь. Стали его другие птенцы клевать, прятался он от них по всему двору. Видит Ойрм – повыщипали утёнку крашенный пух, сидит он за поленицей, шею согнул, голову вытягивает.

– Лебеди не так держат голову, – сказал Ойрм. – Сейчас я тебе это исправлю.

Привязал к шее птенца прочную кривую ветку. Тот не мог больше согнуть шею, ходил с поднятой. Клевать корм не мог, стал Ойрм его с рук кормить.

– Хоть ты сам есть и не можешь, я готов с тобой возиться. Сделаю из тебя настоящего лебедя.

Птенец рос между тем. Зажил выщипанный другими птенцами пух, слезла белая краска, перья стали подрастать. Смотрит Ойрм – опять птенец недостаточно белый.

– Неудачные перья у тебя получились. Давай я их уберу, и ты попробуешь ещё разок.

Тщательно ошипал утёнка, полностью убрал все серые перья. Тогда утёнок перестал плавать и есть, забился в угол, сидел-дрожал.

Понёс его Ойрм к колдуну. Говорит:

– Я из него лебедя рашу, а у него всё не получается. Что бы с ним такого ещё сделать?

Посмотрел колдун на птенца, говорит:

– Отнеси его вечером на Костяную Пустошь, там оставь.

– Как же я на Костяную Пустошь пойду? Там ходит красноглазый пёс, он перегрызёт мне руки и ноги. Там ходит кукла с каменным ножом – она вырежет мне печень. Там ходит женщина с железными когтями – она вырвет мне сердце.

– Как знаешь, – ответил колдун. – Но лучше бы тебе отнести туда птенца до того, как он умрёт.

Тогда Ойрм положил утёнка в мешок и понёс к Костяной Пустоши. Добрался к вечеру, встретили его там красноглазый пёс, кукла с каменным ножом и женщина с железными когтями. Сказал им Ойрм:

– Не трогайте меня, я вам утёнка принёс. Он настоящим лебедем станет!

Те остановились. Вытащил Ойрм утёнка из мешка, видит – тот совсем умер. Бросил тушку на землю. Как упала тушка, пропала: появился на том месте огромный чёрный лебедь.

Окружили Ойрма обитатели пустоши. Бросился красноглазый пёс, погрыз ему ноги и руки. Выщипал лебедь кожу с лица, вырезала кукла каменным ножом печень, вырвала женщина железными когтями ему горло. Осталось тело Ойрма лежать на пустоши, и собрались вокруг него утром вороны, не лебеди.

Дзит из ледяного леса

По ту сторону ночи, в стране трёглей жил человек по имени Дзит. Был у него дом с тёплым очагом. Ещё был у него глиняный горшочек, каждый день варивший ему самую вкусную пищу.

Однажды в зимнюю ночь пришла к дому Дзита клыкастая старуха с топором и сказала:

– Отдай мне горшочек, он будет жить теперь в моём очаге.

– Он у меня один такой, – ответил Дзит. – Что ты можешь мне дать взамен?

– Я дам тебе этот топор, который рубит всё, что угодно.

– Не хочу, – сказал Дзит. – Горшочек мне нужнее.

Тогда старуха стала рубить топором его дом, разнесла дом на брёвнышки, брёвнышки – на щепочки. Развалила она и очаг, и все вещи в доме, и всю посуду.

– Видишь, какой хороший топор, – сказала старуха. – Возьми лучше его, отдай горшочек.

– Это теперь очень плохой горшочек, – сказал Дзит и показал на черепки.

Тогда старуха бросила свой топор и ушла. Долго стоял Дзит над руинами своего дома в морозном лесу. Начал плакать, но слёзы превращались в льдинки ещё внутри него. Совсем замёрз, всё тело его стало ледяным. Тогда подобрал топор и пошёл прочь. Морозными глазами смотрел на него зимний лес.

Шёл по лесу, шёл, выбрел к дому ракров. Постучался, попросился войти. Впустили его. В доме ракров очаг горит, едой пахнет, все вещи тёплые.

Сел Дзит в доме, стал греться – никак не становилось ему достаточно тепло. Тогда подошёл к очагу поближе, совсем рядом встать. Оттолкнул от огня хозяйку.

– Что ты делаешь? – спросила рикра. – Не мешай, я готовлю еду. Видишь, котелок на огне? Скоро у нас будет много горячего супа.

Дзит увидел, что котелок над огнём забирает больше всех тепла, греется лучше всех. Схватил топор, по котелку им ударил, разрубил. Потёк суп на огонь.

Схватили ракры Дзита, из дома его вон вышвырнули, за ограду. Рубанул Дзит по воротам, по ограде – разрубил ворота, развалил ограду. Собрались тогда ракры, за руки Дзита взяли, увели его прочь в морозный лес и там оставили. Так сказали:

– Дорогу назад найти сможешь не раньше, чем выпустишь из рук топор клыкастой старухи.

Не нашёл Дзит дорогу обратно. Морозными глазами смотрел на него зимний лес. Отправился он дальше, бегом бежал – никак не согревался. Перевалил за холмы, в страну гнуров. Увидел там дом. Развалил топором ворота, во двор вошёл. Развалил топором дверь – в дом вошёл. Встретили его в доме гнуры:

– Кто ты, зачем пришёл так громко?

– Меня зовут Дзит. Я пришёл погреться, насколько у вас хватит огня.

– Не смей подходить к самому очагу, – сказали гнуры. – Это огонь для небесного старца, это пища для небесных жителей на нём варится.

Тогда Дзит подошёл к очагу, где висел котелок с варящейся в нём едой. Разрубил котелок, выплеснулось варево на огонь.

Схватили Дзита гнуры, начали бить. Так били, что он наконец согрелся, а потом умер. И голову Дзита гнуры выставили на столбе вместо бывших ворот, чтобы все лесные жители видели, зачем сюда приходите. Так осталась там голова, и зимний лес смотрел на неё морозными глазами.

Пчёлы Шенра и мёд Келби

По ту сторону ночи, на краю страны гнуров, жил в пчелиных холмах хромой пасечник по имени Шенр. Приходили к нему из долины выменивать мёд.

Раз приехала к нему на коне из долины девушка – в дорожной одежде, с ножом охотника. Сказала она Шенру:

– Я – Келби из долины, я ищу путь за граничную реку. Есть ли тропа туда мимо твоих пчёл? Бывал ли ты там?

Ответил Шенр:

– Вот эта тропа должна вести туда. Я никогда там не был: хромые ноги не позволят мне ни дойти до города, ни переправиться через реку.

Тогда девушка поехала дальше, добралась до реки. Увидела там бурное течение, способное сбить с ног и человека, и коня. За рекой клубился чёрный туман, скрывал берег. Вернулась она тогда на пасеку, откуда не было видно речного берега. Осталась там жить у Шенра.

Настал сбор мёда, никто не заехал к Шенру на пасеку торговать. Тогда взяла Келби мёд, погрузила на коня и сама повезла его в город менять. Так стала делать раз за разом. Перестали люди приходить на саму пасеку, а Келби называли «Келби, которая привозит мёд».

Шесть лет так прошло. На седьмой год заглянул к Шенру на пасеку торговец, так сказал:

– Есть у меня целебная мазь на продажу. Если больные ноги ею натирать – здоровее будут, вдвое дольше и дальше ходить смогут.

– Зачем ты её привёз? – спросила Келби. – Если Шенр сам отправится в город, этот мёд больше никогда не окажется моим, даже на каплю.

Шенр услышал её, ничего не сказал. Купил себе лечебной мази. Уехал торговец. Тогда вышла Келби к началу тропы в лес, так сказала:

– Можно, я всё-таки не отправлюсь дальше по этой тропе? Можно, я останусь там, где собирают мёд?

– Можно, можно, – ответили ей голоса из лесу.

Тогда Келби дождалась ночи, пришла к спящему Шенру и перерезала ему своим ножом сухожилия на ногах. Наутро опробовал Шенр ту мазь – не вылечила мазь покалеченные

ножом ноги, только-только по пасеке смог он потом ковылять. Стала Келби дальше возить мёд до города. Только с каждым сбором всё горше становился этот мёд. На седьмой год перестали люди брать мёд у Келби. Долго говорил тогда Шенр со своими пчёлами. Собрались пчёлы в рой и улетели с пасеки прочь. Собрала Келби все собранные соты, отправилась к людям искать тех, кто всё-таки согласится взять этот горький мёд. А Шенр остался один в холмах, и с тех пор его никто не видел.

Крунрек и кукла-Шунглу

По ту сторону ночи, в долине большой рыбьей реки, жил человек по имени Крунрек. Задумал он свататься к девушке из посёлка. Звали девушку Дзуа.

Взялся ей сперва подарок принести. На горный склон забрался, собрал букет невешни, понёс в корзине к посёлку. Повяли цветки по дороге. Оставил он их перед домом Дзуа. Вышла Дзуа утром на улицу, увидела у порога охапку ядовитого сена. Выбросила его подальше от скота.

Тогда поймал Крунрек дикого пяпрана, завёл к Дзуа в сад и к дереву привязал. Вытоптал пяпран грядки вокруг, обгрыз ветки плодовых деревьев. Увидела Дзуа, отыскала Крунрека, отправила его с пяпраном прочь.

Тогда оделся Крунрек в самую яркую одежду и пришёл к Дзуа в третий раз, открыто. Так сказал:

– Переходи жить в мою избу, стирать мои вещи, готовить мне и моей собаке!

Отказала ему Дзуа. А сама вскорости вышла за одного рыбака, у которого на крыше свила гнездо птица Рин. Погулял-повеселился на свадьбе весь посёлок. Посмотрел на это Крунрек, говорит:

– Я сделаю так, что вы не будете больше надо мной смеяться.

Вернулся домой, стал искать по дому-саду золото – сделать пучпык. Нашёл только жёлтую грушу, насадил с утра над воротами. Вечером шли от реки рыбаки с рыбачками, и Дзуа с ними. Никто на грушу не посмотрел, мимо прошли. Торчала над воротами груша, торчала; сгнила и упала на землю.

Снова тогда Крунрек стал по дому-саду золото искать. Нашёл старое ведро, насадил его с утра на ворота, как пучпык. Вечером шли от реки рыбаки с рыбачками, и Дзуа с ними. Спросила Дзуа:

– Что это Крунрек старое ведро прямо на воротах сушит?

Не нашли ей ответа рыбаки, так дальше и пошли.

Снял ночью Крунрек ведро с ворот, стал в третий раз по дому-саду золото искать. Набрал жёлтой соломы, скрепил её в пук, на ворота утром привязал. Вечером шли от реки рыбаки с рыбачками, и Дзуа с ними. Сказал муж Дзуа:

– Смотрите, какое смешное гнездо птицы на воротах Крунрека свили!

– Это не птицы, – ответила Дзуа. – Это человеческие руки связали, так куклы делают.

Выскочил тогда из-за ворот Крунрек, крикнул рыбаку:

– Зря ты куклу-Шунглу «смешным гнездом» назвал! Она мстит тем, кто о ней говорит, ночью в дом приходит, если ей за обиду не заплатит.

– Зачем же ты такую куклу на ворота поставил?

– Опять ты о ней говоришь! – отозвался Крунрек. – Ты ей за обиду гнездо птицы Рин должен, раз её саму гнездом назвал!

– Ты, Крунрек, её на ворота себе поставил, ты с ней и дружись, – ответил рыбак, да и пошёл домой вместе с Дзуа.

Весь вечер по деревне Крунрек ходил, всем говорил, что рыбак куклу-Шунглу обидел и теперь ей гнездо отдать должен. Вернулся к ночи домой, дверь за собой закрыл-запер. Слышит – в дверь скребутся-шуршат снаружи.

– Кто скребётся, кто шуршит? – спросил Крунрек.

– Это я, кукла-Шунглу, – ответил снаружи голос. – Ты меня весь вечер звал, я и пришла.

На все задвижки запер тогда дверь Крунрек, самыми тяжёлыми сундуками её заставил. Что с ним было ночью, не видел никто. Только к середине следующего дня Крунрек вышел, с белыми волосами. Солому с ворот своих снял и больше долго-долго на них ничего не вешал.

Шёлковое Сердце.

По ту сторону ночи, в стране трёглей жили муж с женой. Долго не было у них детей, трёгли приходили по ночам к их дому. Раз весенним вечером отправились они на берег озера за дальней рощей, оставили там горсть семян тыквы. Пришли туда же осенью, утром, нашли на берегу маленькую девочку.

– Это будет наша дочка, – сказали. Домой унесли.

В тот же вечер три старухи пришли в их дом. Сказала первая:

– Я принесла для этого ребёнка подарок: золотую узду и повод. С ними сможет она ездить на конях темнов, станет владелицей стад всемеро больших, чем сможет вместить земля, принадлежащая вам двоим.

– И я принесла для этого ребёнка подарок: удочку и золотой крючок, – сказала вторая. – С ними сможет ловить она в озёрах Кель серебряных рыб. Станет есть их – научиться понимать языки птиц, зверей, людей любых краёв.

– И я принесла подарок для этого ребёнка: сердце из шёлка – сказала третья. – Станет носить его в своей груди – будет прекрасной и доброй, нежной будет её кожа и голос, все будут её любить.

С тем ушли старухи. Мать с отцом тогда поскорее вложили в девочку принесённое сердце, а прочие подарки закинули подальше.

Росла девочка. Кожа её была белой и чистой, как снег, голос нежен, все её любили. Целыми днями сидела она дома, ткала тончайшее полотно. Ещё шила она кукол, которые плакали, когда ей было больно, и улыбались, когда она работала и напевала. Раз в полгода лишь выходила она за ограду дома, весной и осенью. Раз весной пришла она к своим отцу и матери:

– Смотрите, я нашла за оградой золотые узду и удочку! Теперь мне нужен конь, для этой узды и полное рыб озеро для этого крючка.

Не было у её отца с матерью ни коней, ни озёр. Так сказали они:

– Ищи, только не ходи на берег озера Кель за дальней рощей. Туда ночные всадницы приводят на водопой своих коней. Они вырвут у тебя из груди сердце, если тебя увидят.

Шесть лет дважды в год выходила девочка искать по округе, избегая озера Кель. Не шли рыбы ей на крючок, не бродили кони темнов по этим полям. На седьмой год отправилась она наконец к озеру за дальней рощей. Увидела: в воде плещут огромные серебряные рыбы. Закинула она крючок с наживкой, не стали брать наживку рыбы. Ждала, пока не послышался стук копыт и не окликнул из-за спины голос:

– Нет ли здесь дочери ночи, чьё лицо черно, чьи руки красны?

– Нет, – ответила шёлковая девочка. – Я – дочь дня, моё лицо и руки белы.

Ускакали приехавшие прочь. Вернулась девочка домой без добычи. Только следующей весной вновь отправилась туда. Закинула в озеро наживку, снова не стали её брать рыбы. Вновь послышался стук копыт, окликнул девочку из-за спины голос:

– Нет ли здесь дочери ночи, в чьих руках умирает добыча?

– Нет, – ответила шёлковая девочка. – Я – дочь дня, в моих руках никто не умирал.

Ускакали тогда приехавшие прочь. Вернулась девочка домой.

Той осенью набрала она в очаге золы, измазала ею щёки. Нашла на улице красной глины, вымазала руки. Так вновь отправилась к озеру, закинула крючок с наживкой. Схватила наживку тяжёлая серебряная рыба, еле-еле вытащила её девочка на берег. Снова послышался стук копыт, окликнул из-за спины голос:

– Нет ли здесь дочери ночи, чьё лицо черно, чьи руки красны, в чьих руках умирает добыча?

– Я здесь, – ответила шёлковая девочка.

Тогда приехавшие увидели её и схватили, разорвали ей грудь, вытащили оттуда шёлковый мешочек, бывший её сердцем.

Не вернулась в тот вечер она домой. Год жили её мать и отец в доме с плачущими куклами. В следующую осень однажды ночью застучали копыта под их окнами. Так позвали из темноты приехавшие:

– Вынесите из дома сундук с полотном, которое за свою жизнь успела соткать девочка с шёлковым сердцем! Вынесите из дома кукол, которые следуют за ней своими слезами и своей улыбкой!

Крепко заперлись мать с отцом в доме, на все засовы. Запрыгал тогда в своём углу сундук, повскакивали с полок куклы, попытались сами двери открыть. Не справились маленькие шёлковые куклы с тяжёлыми засовами. На том ускакали ночные гости.

Посмотрели наутро в сундук мать с отцом – превратилось тонкое полотно в траченные молью тряпки. Посмотрели на кукол – застыли у тех на лицах улыбки, не шевелились они больше. Тогда стали они жить в том доме дальше, ночные гости больше не приезжали к ним, ничего не требовали. Только трёгли жили с ними бок о бок и шептали про Шунглу, пока тот наконец не пришёл в их дом.

Водяной-усатый

По ту сторону ночи жил на краю леса мальчик по имени Кыстиль-Кив. Жил он с бабушкой, были у них в хозяйстве тнака и птицы-крешки. Уходила на целые дни бабушка из дому. Приносила серых бобов – бросала их крешкам, те яйца несли; приносила горюнки – кормила ими тнаку, та молоко давала; приносила съедков – сама ела, часть Кыстиль-Киву давала.

За оградой дома по ночам волки выли, трёгли плакали. Говорила бабушка, уходя по утрам:

– Выйдешь из дому до того, как вырастут у тебя усы и борода – найдёт и утащит тебя Железный Старик.

Кыстиль-Кив долго не выходил из дому. Наконец, появились у него усы и борода. Тогда оставил он бабушкин дом и отправился в путь. Идёт по дорожке, идёт – видит, развилка: у одной дорожки железный посох в землю воткнут, у другой – цветная лента на ветке вьётся. Пошёл по второй дорожке. День шёл – ещё одна развилка, снова по одну сторону посох, по другую – лента. Так за семь дней семь развилок прошёл, на каждой ленту выбирал.

Пришёл к человеческому дому. Над домом дым от очага вьётся, вокруг дерева плодовые растут, у порога собака серая спит. Видит Кыстиль-Кив: волк дверь охраняет. Кинул в этот дом камень, пошёл другой искать.

Другой дом показался: дым от очага вьётся, вокруг дерева плодовые растут, кто-то в доме плачет-хнычет. Слышит Кыстиль-Кив: трёгль в доме плачет. Кинул в этот дом камень, пошёл дальше искать.

Третий дом показался: дым от очага вьётся, вокруг дерева плодовые растут. Смотрит Кыстиль-Кив: дом видом как первые два, сад как первые два, нет у дома ни тнаки, ни бабушки. Кинул в этот дом камень, пошёл дальше.

К озеру большому добрался, там с дороги в сторону сошёл, отдыхать. От волков и трёглей в кустах укрылся. Видит вечером – идёт по дороге к озеру человек. Подходит к берегу, бросает в воду горсть бобов, говорит:

– Водяной-усатый, стада твои тучные, бобами кормленные – загони лишних в мою сетку, волков полосатых – на мою жерлицу!

Поставил недалеко сетки-жерлицы, ушёл. Тут же вылез Кыстиль-Кив из кустов, подбежал к воде, встал там, откуда человек бобы кинул. Позвал:

– Крешки, крешки, вам бобов кинули – дайте мне теперь яиц поесть!

Стал ждать – ничего не дождался, голодный обратно в кусты спать ушёл. Утром видит – пришёл человек к сеткам, достал из них рыб и с собой унёс.

Переждал день Кыстиль-Кув. Видит вечером – снова идёт к озеру человек. Подходит к берегу, бросает в воду горсть тёртых корней, говорит:

– Водяной-усатый, стада твои тучные, корнями кормленные – загони лишних в мою сетку, волков полосатых – на мою жерлицу.

Поставил сетки-жерлицы, ушёл. Вылез Кыстиль-Кив из кустов, подбежал к воде, позвал:

– Тнака-тнака, тебя горюшкой покормили – дай теперь мне молока!

Стал ждать – ничего не дождался, голодный обратно в кусты спать ушёл. Утром видит – пришёл человек к жерлицам, снял с одной щуку и с собой унёс.

Переждал ещё день Кыстиль-Кив. Видит на третий вечер – снова идёт к озеру человек. Подходит к воде, бросает в воду тёртых съедков, так говорит:

– Водяной-усатый, стада твои тучные, съедками кормленные – загони лишних в мою сетку, волков полосатых – на мою жерлицу.

Поставил сетки-жерлицы, ушёл. Вылез Кыстиль-Кив из кустов, подбежал к воде, позвал:

– Бабушка, бабушка! Дай и мне съедков, я голодный!

Видит – плеснуло тяжёлое в воде. Забежал в воду – тут водяной-усатый его схватил и с собой в глубину утащил.

Голодный гырк по имени Крыг

По ту сторону ночи жили в норе бокры. Однажды осенью они натащили в свою нору зёрен и орехов, ягод и кореньев, и ещё много-много интересных несъедобных вещей. Закрыли нору на зиму.

Смотрят – куча несъедобных вещей тогда зашевелилась. Вылезло из неё существо: кожа красная, лапы кривые, пасть огромная, в пасти зубы торчат. Встало существо перед гырками и завывало громким голосом.

– Это голодный гырк! – сказали бокры. Скорее бросили ему ягод и кореньев, сами в сундуках попрятались. Сидели, слушали, как кореньями голодный гырк хрустит. Схрустел, потом долго ходил по норе и выл, пока не уснул. Только тогда бокры из сундуков вылезли.

Не стали открывать закрытую на зиму нору, с голодным гырком дальше зимовали. Осторожно по норе ходили, вслух не разговаривали, не шумели. Лишний раз слова «гырк» не говорили, называли пришедшего наоборот – Крыг. Когда Крыг просыпался, начинал зубы показывать и выть, бросали ему зёрен-кореньев, а сами в сундуки прятались и подолгу там сидели. Так до весны жили. Тогда нору открыли, выбрался от бокров Крыг наружу. Пошёл по весеннему лесу, встретил там Большую Мохнатую Тварь, которая обгрызала свежие новые листья.

– Кто ты такой, маленький зверёныш? – сказала Большая Мохнатая Тварь.

– Я – большой голодный гырк по имени Крыг, – ответил тот тихо-тихо, прикрывая рот лапой.

– Зачем ты прикрываешь лапой рот? Я тебя и так плохо слышу.

– Если я уберу лапу, ты станешь кидаться в меня ветками, а потом спрячешься в сундук.

– У меня нет сундука, – сказала Тварь и снова стала есть листья. Тогда Крыг пошёл дальше. Шёл по весеннему полю, нашёл там Большую Чешуйчатую Тварь, которая пила воду из ручья.

– Кто ты такой, маленький зверёныш? – сказала Большая Чешуйчатая Тварь.

– Я – большой голодный гырк по имени Крыг – ответил тот тихо-тихо, прикрывая рот лапой.

– Ты не похож на гырка. Зачем ты прикрываешь лапой рот?

– Если я уберу лапу, ты станешь кидать в меня рыбок из ручья, а потом спрячешься в сундук.

– Я не помещусь в сундук. А голодные гырки едят рыбок, они им вкусные.

Тогда Крыг убрал лапу ото рта и громко завыл, показывая зубы.

– Не плачь, маленький зверёныш, – сказала Чешуйчатая Тварь и стала поить его водой и кормить. Не съел Крыг ни одной рыбки. Пошёл прочь от ручья. Добрался до дома, где жила старая гырка со своими сыновьями. Сел Крыг перед домом, зажимая лапой рот. Сказала старая гырка своему сыну:

– Или, посмотри, кто там перед домом сидит.

Вышел сын, на гостя пошипел, палкой потыкал. Сидел Крыг, зажимая рот лапой. Вернулся сын старой гырки в дом и говорит:

– Это бокрёнок сидит.

– Тащи его сюда, – говорит мать, – я его сварю нам на ужин.

Вышли сыновья гырки, схватили гостя и в дом притащили. Увидел Крыг котёл на огне и много сундуков – на всех в доме хватит спрятаться. Убрал тогда лапу ото рта и громко завыл, показывая зубы.

– Ишь, как плачет! – сказала старая гырка. – Кидайте его в котёл скорее.

Гырки кинули Крыга в котёл, сварили и съели. А кости сложили в сундуки, к остальным.

Когтистые руки

По ту сторону ночи, на берегу большой рыбьей реки, стояло гнурское селение. На другом берегу от него – селение рыжего народа.

Раз ночью видят гнуры – горит один из домов на дальнем берегу. На следующий день вполовину меньше столбов дыма над очагами там поднялось, вдвое меньше лодок рыбачить выходило. Семь дней так оставалось, на восьмой снова очаги задымили, лодки вернулись.

А ещё через семь дней гырки с когтистыми руками пришли к селению. Сказал гнурам их вожак:

– У вас крыши крашены красным, они сгорят. Отдайте нам двенадцать мешков тырмы, чтобы этого не случилось.

Отдали гнуры тырму. Остаток дня крыши перекрашивали. На следующее утро снова гырки пришли, сказал их вожак:

– У вас поля без граничных камней, они сгорят. Отдайте нам двенадцать коров, чтобы этого не случилось.

Отдали гнуры коров. Остаток дня камни к полям подкатывали. На следующее утро снова гырки пришли, сказал их вожак:

– Слишком много в сторону нашего леса смотрите, на оба глаза слепые станете. Отдайте нам золото, что на пучпыки собираете, чтобы этого не случилось.

– У нас нет золота, – сказали гнуры.

– Раз вы хотите войну, у вас будет война, – сказали гырки и ушли в чашу.

Той ночью пришли гырки к крайнему дому селения, забрали всю тырму и корову, хозяевам глаза выкололи, дом спалили. Выбрались утром гнуры к соседям, зовут их:

– Помогите нам! Поймайте разбойников, отрубите им руки, верните нашу корову!

Смотрят остальные гнуры – глаз у хозяев нет, следов на земле много, в чашу следы ведут.

Говорят они:

– У вас ведь и крыша была недокрашена, и корова за камни забредала. Вот ваш дом и сгорел.

С тем ушли. На другую ночь к другому краю селения гырки пришли, забрали всю тырму и корову, дом спалили. Хозяева, как гнуров услышали, сразу за дом, за сарай, в стога сена попрятались. Выбрались утром гнуры к соседям, зовут их:

– Помогите нам! Поймайте разбойников, отрубите им руки, верните нашу корову!

Смотрят остальные гнуры – целы хозяева, следов на земле много, в чашу следы ведут.

Говорят они:

– Что ж вы сами-то драться не стали? Без царапины! Вы своё добро защищать не стали – и мы ваше не станем.

С тем ушли. На третью ночь к третьему дому гырки пришли, забрали всю тырму и корову, дом спалили. Хозяин как их услышал, сразу за дом, за сарай, в речку бросился и её переплыл, до самого селения рыжего народа. Подходит к изгороди, видит – руки отрубленные к изгороди прибиты, с когтями. Спрятался он, до утра не показывался. Утром нашли его собаки, облаяли. Тогда снова побежал гнур к реке, на свою сторону вернулся. Так соседям сказал:

– Там за рекой у рыжего народа руки гырков к изгороди прибиты!

– Раз они такие свирепые, пусть всех гырков для нас перебьют, мы подождём, сказали гнуры.

Стали ждать. Ночь за ночью к ним приходили гырки, жгли дома. Сожгли всё и ушли. Вместо них прилетел ночной голодный Хет и надолго в гнурском краю остался.

Шкатулка с птицей арн

По ту сторону ночи, в стране гнуров, жил со своей матерью мальчик по имени Эррел. Стала его мать однажды болеть. Тогда позвала Эррела, сказала:

– Когда ты родился, четыре старухи приходили к нашему дому, приносили тебе подарки. Одна из них поставила шкатулку и сказала: «Здесь я принесла Эррелу богатства, большие стада». Другая сказала, что принесла тебе новый большой дом, на семи столбах, с девятью дверями. Третья сказала, что принесла тебе кольцо дочери Пёстрога Царя. А последняя сказала: «Я принесла Эррелу в шкатулке хищную птицу арн, которая разорвёт и сожрёт его».

Умерла мать. Достал Эррел четыре шкатулки, увидел, что они совершенно одинаковые.

– Не буду открывать ни одной.

Крышки к шкатулкам примотал прочнее. Стал жить как жил. Беден был его сад, два худых кысворпа были его стадом. Стрелял он в любую крупную птицу, которая прилетала к его саду.

Однажды утром увидел: мимо ворот его дома идёт стадо без пастуха. Встал, чтобы подойти – тут одна из спрятанных шкатулок запрыгала, крышка примотанная на ней открыться хочет.

– Вот где были мои стада! – сказал Эррел.

Открыл шкатулку – остановилось стадо у его ворот. Вышел он со шкатулками к стаду: стоят пяпраны с тонким руном, с широкими боками. А над ними высоко хищная птица кружит, целится.

– Я узнал тебя, арн! – воскликнул тогда Эррел. Выстрелил в птицу, не упала та. Скорее побежал Эррел прочь от стада и от своего старого дома, над которым теперь летал хищник.

Семь дней шёл полями, видит – стоит дом на семи столбах, с девятью дверями. Одна из его шкатулок запрыгала, крышка примотанная на ней открыться хочет.

– Вот где был мой дом, – сказал Эррел.

Открыл шкатулку – двери перед ним открылись. Стал смотреть дом, поднялся наверх по лестнице. Там кровать для него стоит, над кроватью резная хищная птица, во всю стену крылья расправила. Выронил Эррел открытую шкатулку:

– Я узнал тебя, арн!

Выстрелил в стену – не рухнула от этого стена. Скорее побежал прочь от нового дома. Снова семь дней шёл полями. Видит – идёт ему навстречу девушка в шёлковой одежде, в золотых украшениях. Семь охранников с ней идут, семь слуг несут вещи. Тут же одна из оставшихся шкатулок запрыгала, крышка примотанная на ней открыться хочет. Открыл её Эррел, достал кольцо. Тотчас девушка заметила его, позвала:

– Путник, подожди! Как твоё имя?

Назвался Эррел, показал кольцо из шкатулки. Сказала тогда девушка:

– Я – дочь Пёстрого Царя, я ищу тебя, чтобы взять в мужья. Пойдём со мной.

Отправился с ней Эррел, слуги и охранники их провожали. Вот остановились они ночевать. Не стал спать Эррел, подкрался к шатру царевны подглядеть. Видит: сбросила та шёлковые одежды, надевает одежду из длинных перьев – пёструю, с рукавами-крыльями.

– Я узнал тебя, арн! – прошептал Эррел. Бросил наземь открытую шкатулку и выстрелил в царевну. Упала та, Эррел прочь побежал. Не догнали его слуги и охранники царевны.

Кончились на пути Эррела поля, пустыня перед ним легла. Пошёл через пустыню с последней шкатулкой. Долго шёл без воды, упал. Запрыгала его шкатулка, крышка примотанная на ней открыться хочет.

– Почему ты шевелишься, когда я не могу? – спросил её Эррел.

Стал бить шкатулку о камень, пока та не перестала шевелиться, не разбилась совсем. Стал самым живым из того, что было вокруг. Лёг и закрыл глаза. Спустилась тогда к нему наконец сверху хищная птица арн, разорвала и сожрала его.

Дрэки из Скального Дворца

По ту сторону ночи жила одна рикра. Построила она себе дом в холмах. Дерево для стен принесла из Больших Коряг, железные гвозди – из кузницы Лиомба, камни для очага собрала на горе Ирн. За собакой, чтобы дом охранять, отправилась к старухе с Грозового Берега. Сказала старуха:

– Дам тебе я пса. Загрызёт он любого, вошедшего в твой сад или дом как вор, или как грабитель, или как поджигатель. Только никогда не спускай этого пса на того, кто вошёл к тебе как гость.

Привела рикра пса к новому дому, на цепь посадила. На другое утро стучится ей в ворота всадник в плаще из золотой чешуи.

– Кто ты, с чем пришёл к моему дому?

– Я – Дрэки из Скального Дворца, собиратель сокровищ, танцующий с ветром. Не хочешь ли ты придти гостьей ко мне, не приветить ли у себя?

– Приезжай с этим завтра, – сказала рикра.

Ускакал Дрэки. Рикра же обратилась в серую ворону и вслед за ним полетела. Видит – подъехал Дрэки к пещере в большой скале, коня оставил, сам внутрь вошёл. Подлетела ворона ко входу, стала одним глазком смотреть, что там внутри творится.

Видит – сидит в пещере женщина в платье из белой шерсти, пряжу прядёт, к Дрэки не поворачивается. Говорит ей тогда Дрэки:

– Сестра, я завтра свататься поеду. Достань из сундука золотые ожерелья, пояса шёлковые – они ведь мои!

– Нет, – сказала женщина.

– Сестра, отдай мне тогда хрустальные чаши для вина, серебряные кувшины с лучшим вином – они ведь мои!

– Не дам, – сказала женщина. Всё сидела к Дрэки спиной.

Тогда Дрэки подошёл к сундуку, вынул оттуда золотое ожерелье и хрустальную чашу, и ещё ветку с янтарными листьями. С этим всем вышел из пещеры. А ворона домой полетела.

На другое утро приехал Дрэки снова, пустила его рикра в дом. Вытащил Дрэки по очереди золотое ожерелье, чашу и ветку. Так сказал:

– Вот такие ожерелья лежат в сундуках у меня во дворце, и пояса шёлковые к ним. Вот такие чаши стоят у меня на столах, из серебряных кувшинов их я наполняю лучшим вином. Вот такие ветви на деревьях в моём саду, золотые плоды они приносят.

– Красивый у тебя должен быть дворец, – сказала рикра. Сама на стол кушанья ставит, мьётль наливает. Говорит ей тогда Дрэки:

– Черны ветви деревьев в твоём саду. Давай я их срежу, новые янтарные выращу.

– Нет, – сказала рикра.

– Из плохой глины у тебя кувшины. Можно, я унесу их, покрою их серебром – будут, как во дворце?

– Нельзя, – сказала рикра.

Тогда замолчал Дрэки. Рикра сделала вид, что очагом занята, сама за гостем одним глазом косит. Видит – подхватил Дрэки кувшин со стола, в сумку спрятал. Вышел затем в сад, стал там у деревьев ветки срезать.

Подбежала тогда рикра к собачьей будке, спустила пса с цепи. Бросился тот на Дрэки, порвал ему плащ из золотой чешуи, убежал тот за ворота и прочь на своём коне ускакал.

Гроза той ночью пришла к дому рикры. Молнии в ворота бьются, гром над крышей грохочет. Вышла тогда рикра из дому, пса своего подозвала и к воротам подошла. Видит – старуха с Грозового Берега перед ней стоит, железные когти у неё на руки надеты.

– Говорила я тебе – никогда не спускай своего пса на того, кто пришёл как гость.

– Говорила, – сказала рикра. – И что теперь?

– Теперь этот пёс не вернётся на цепь, он будет есть мясо своей хозяйки.

Тут старуха царапнула ворота когтями. А пёс взял в зубы руку рикры и сдал её.

– Может быть, – сказала рикра. – Но ты в эту ночь пришла к моему дому не как гостя!

Распахнула второй рукой ворота, сказала псу схватить пришедшую. Тут же вцепился пёс в старуху, стал рвать. И в ту ночь рикра больше не сажала пса на цепь, а выпустила его, сытого, в дом ночевать.

Горбатая лань

По ту сторону ночи, в городке у леса жил человек по имени Ильфин. Целыми днями собирал в лесу хворост, рубил дрова, приносил в городок. Двенадцать лет так трудился, на тринадцатый год сбросил однажды вязанку дров – разогнуться не смог. Вырос у него на спине горб.

Увидели Ильфина горожане, стали смеяться:

– Смотрите, каким горбуном стал!

Стали кидать в него куски земли и объедки. Приковылял Ильфин домой, говорит жене:

– Нет мне теперь ходу ни в город, ни в лес – закидывают меня люди землёй. Помрём мы голодной смертью, разве что кто-нибудь мой горб себе возьмёт.

Тогда жена Ильфина взяла себе его горб, кривой-уродливой стала. Ильфин на другой день за дровами снова в лес отправился. Жена его целыми днями с тех пор от людей пряталась, только ночами из дому выходила. Однажды пошла стирать, навернулась в темноте с мостков и утонула. Горб к Ильфину вернулся.

Обратился тогда Ильфин к своему очагу:

– Камень горячий, помоги, пошли мне живую душу, что могла бы меня от людей защитить!

Пришёл той ночью к порогу большой серый пёс, стал с Ильфином всюду ходить – по городу, по лесу. Люди пса стороной обходили. Ильфин таскал-таскал хворост на своём горбу, потом горб на пса наконец переложил. Сподручнее стало ему работать. Пёс тогда болеть стал. Вот несёт однажды Ильфин дрова на спине, а пёс еле-еле за ним поспекает, хоть и без поклажи.

– Ты очень плохая и ленивая собака, – сказал тогда Ильфин.

– Да, я очень плохая собака, – ответил пёс. Дошли до города, лёг пёс у порога, ночью издох. Горб снова к Ильфину вернулся.

Пошёл тогда Ильфин в лес, к большому старому дереву. Попросил:

– Дедушка дуб, помоги, пошли мне живую душу, что могла бы мне помочь!

Выбежала тогда к нему из лесу маленькая лань. Поскорее переложил на неё Ильфин свой горб. Перестала лань тогда бегать, стала ходить шагом. Погрузил Ильфин на горб лани дрова, отправился обратно в город. Так он дальше долго работал.

Однажды тёмным осенним вечером возвращался с ланью домой, очень поздно. Слышит – рог в лесу трубит, собаки лают. Сказал лани:

– Бежим быстрее в город, пока нас не догнали.

– Ты беги быстро, я не могу, – сказала лань. Пошла дальше шагом.

Тогда побежал Ильфин что есть сил. Слышит женский голос сзади:

– Вон он, самый быстрый из оленей и ланей в этом лесу! Добудем его!

Тогда ночные всадницы и собаки догнали его, и больше горб Ильфина к нему не возвращался.

Охотники на тнаков

По ту сторону ночи жил в своем доме старый-старый хын. С ним – четыре брата-охотника. Добывали тнаков, приносили хыну; он мясо варил, между всеми делил, лучшему из охотников красный гребень носить давал.

Однажды ночью пришёл к дому зверь, стал дверь грызть, царапать. Тогда брат с красным гребнем и самыми длинными ногами вышел из дому в темноту. Не вернулся, луну его не было. Потом с дальней охоты остальные возвращаются, говорят хыну:

– Видели мы в холмах новый дом, там ушедший живёт, жена у него, ручной зверь во дворе.

– Зато красного гребня у него больше нет, – сказал хын. – Слишком длинные ноги для настоящего охотника, слишком далеко ушёл.

Всем им обрезал пальцы ног. Больше к холмам не ходили. Тнаков тоже не догоняли, стали ставить силки на птиц. Хын их варил, между всеми делил, давал красный гребень тому, кто приносил больше птицы.

На другой год опять ночью пришёл к дому зверь, стал дверь грызть, царапать. Тогда брат с красным гребнем и самыми ловкими руками вышел из дому в темноту. Не вернулся, луну его не было. Потом с дальней охоты остальные возвращаются, говорят хыну:

– Видели мы за рекой новый дом, живёт там ушедший. Люди к нему ходят, он возле дома сети плетёт, на лодке по реке плавает, сети ставит.

– Зато красного гребня у него больше нет, – сказал хын. – Слишком ловкие руки для настоящего охотника, пусть теперь с сетями и ковыряется.

Пальцы рук охотники себе связали. Сети ими плести не могли, силки для птиц тоже. Стали собирать съедки возле дома. Хын их варил, между всеми делил, давал красный гребень тому, кто приносил больше всех съедков.

На третий год опять ночью пришёл к дому зверь, стал дверь грызть, царапать. Долго грыз. Спросил тогда хын:

– Кто-нибудь выйдет этой ночью из дома?

– Нет, – ответили братья. – Мы ведь настоящие охотники.

Сидели до утра. Ушёл зверь. Хын с рассветом на ноги не встал, кожа с него сползала стала и мясо, один скелет остался. Дом тогда обвалился, крыша и стены охотника с красным гребнем придавили. А последний из братьев выбрался, красный гребень отыскал, на себя надел. Жил после этого в развалинах, собирал съедки, пока ночной зверь не нашёл и не съел его.

Медный человечек

По ту сторону ночи, в стране трёглей, жили лесные гырки. Был у них один раб. Однажды уронил он себе на руку тяжёлую бочку, руку покалечил. Увидели гырки, что плохо он стал работать, выгнали его прочь в лес.

Шёл он по лесу, шёл – волки по следу пошли, воют. Побежал, добежал до берега крутого – внизу река глубокая течёт. Сел тогда на берегу, заплакал.

Вышла Неспящая Старуха, спрашивает:

– Что ты сидишь-плачешь на моём берегу?

Ответил ей раб:

– Выгнали меня гырки, волки по следу идут, впереди река глубокая. Переплыть попробую – потону в ней, здесь в лесу оставаться – не выживу.

– Посмотри, у тебя под ногами помощник лежит, – сказала тогда старуха.

Посмотрел раб – лежит у него под ногами маленький медный человечек. Подобрал его, исчезла тотчас старуха. Сказал тогда раб:

– Медный человечек, отгони от меня волков, пусть загрызть не смогут.

– Я тебе дом построю, в который волки не заберутся. Оставь меня на вон той дальней поляне, сам отойди и не мешай.

Оставил, отошёл. Сидит на берегу, слышит из кустов шёпот:

– Что медный человечек без надзора настроит? Спит он на поляне, волков поджидает.

Поспешил раб к поляне. Видит – стены дома уже стоят, крыша на нём, дверь. А медный человечек в великана превратился, окна прорубает. Закричал раб:

– Что ты такие окна большие делаешь? В них тепло из очага уйдёт, звери дикие пролезут!

Тотчас великан обратно в маленького медного человечка превратился. Остался бывший раб жить в недостроенном доме. Ходил по округе, съедки собирал. Месяц спустя сказал:

– Была бы у меня корова или коза, молоко бы давала, сыр бы я делал.

– Приведу я тебе скотину и птицу, – отвечает медный человечек. – Отнеси меня к опушке леса, сам отойди и не мешай.

Так раб и сделал. Сам к дому вернулся. Слышит из кустов шёпот:

– Что медный человечек без надзора приведёт? Диких волков, голодных рысей.

Поспешил раб назад по тропинке. Видит – навстречу ему медный великан идёт, лосиха за ним с лосёнком, тнака с детёнышем, птицы пешие-пёстрые идут. Закричал раб:

– Что ты диких зверей ведёшь? Я их не привяжу, я их не подою.

Тотчас великан обратно в маленького медного человечка превратился. Звери по лесу во все стороны бросились. Остался раб без скотины.

Ещё месяц прошёл. Сказал он тогда:

– Было бы у меня тырмовое поле, пёк бы я из тырмы лепёшки.

– Засею я тебе поле, – сказал медный человечек. – Отнеси меня на пустошь, сам отойди и не мешай.

Так раб и сделал. Сам к дому вернулся. Слышит из кустов шёпот:

– Зачем медный человечек без надзора пахать-сеять будет? Ушёл он уже далеко-далеко. Поспешил раб назад по тропинке. Видит – распахана пустошь, всходы уже поднялись, алые и золотые, великан медный у края поля стоит. Закричал раб:

– Это же не хлеб!

Схватил великана за ногу. Тотчас тот обратно в маленького человечка превратился. Стал раб колотить его об камень, помял, сплющил.

Пошёл к берегу реки. Бросил смятую медь в воду, стал плакать, ждать, когда к нему снова выйдет Неспящая Старуха. Пришли на его плач голодные волки, загрызли и обглодали до косточки.

Мост водного народца

По ту сторону ночи, в стране гнуров, есть река с высокими обрывистыми берегами. За рекой невешня растёт, зелёный лес Ксайр поднимается.

Раз пришёл к реке ракр, видит – мост из досок через реку переброшен. Пошёл через мост, разломались под ним гнилые доски, упал ракр в воду. Вещи его водному народцу достались, сам еле-еле выбрался на уступчик над водой. Берег над уступом крутой, высокий. Видит ракр: водный народец высунулся, новый мост наколдовал.

Подходит к мосту путник: одноглазый, с коробом добра. Окликает ракр снизу:

– Не иди на мост: доски поломаться могут, упадёшь.

Посмотрел пришедший вниз.

– Что я – ракр какой, с мостов падать?

Пошёл через мост, снова тот развалился, упал путник в воду. Вещи водному народцу остались, сам путник вниз по течению сплыл. Опять водный народец высунулся, новый мост наколдовал.

Другой путник к мосту подошёл, с полной корзиной. Прикрыл тогда ракр один глаз, окликнул снизу:

– Не иди на мост: доски поломаться могут, упадёшь.

Посмотрел пришедший вниз.

– Ты не тем глазом смотришь, вот и упал. А я правильным смотрю.

Пошёл через мост, снова тот развалился, упал путник в воду. Вещи его водному народцу остались, сам он к водному народцу ушёл жить. Снова водный народец тогда высунулся, мост новый наколдовал.

Третий прохожий тогда подошёл. Прикрыл ракр глаза рукой, окликнул снизу:

– Не иди на мост: доски поломаться могут, упадёшь.

Посмотрел пришедший вниз.

– Зачем там сидишь?

Открыл ракр лицо:

– Упал, выбраться по крутому склону не могу. Помоги мне!

Скинул пришедший ракру верёвку, тот наверх выбрался, оба тем же берегом ушли.

Два года ждал водный народец. На третий год снова ракр к мосту подошёл, присел, стал рассматривать. Позвал водный народец снизу:

– Иди, не бойся! Мы не охотимся на ракров – всё равно вы отовсюду выбираетесь.

– Не пойду, – ответил ракр. – Доски у вашего моста всё-таки снова прогнившие.

Ушёл прочь тем же берегом. Нашёл ли на другую сторону иной путь – того водный народец не видел.

Не толстый, не рыжий

По ту сторону ночи на плато возле пропасти жили люди. Случались годы, когда зубастые крылатые кони прилетали и вытаптывали их посеvy. Тогда люди самых толстых, самых рыжих и всех вдовых сбрасывали вниз, в пропасть. Упавших пожирало чудовище.

Жил на плато человек по имени Нерм. Однажды утром увидел из своего дома, что чёрный клыкастый конь с крыльями бродит по его полю. Не стал выходить, выкрасил волосы углём, не ел ничего в тот день. Сидел и слушал, как кричали и сопротивлялись те, кого мимо его дома тащили в пропасть.

– Когда сдохнет это чудовище которого кормят? – спросил Нерм своего сэвохи.

– Когда ты его убьёшь, – ответил сэвохи. – Золотой конь придёт к твоим воротам, принесёт тебя на дно пропасти живым.

Семь лет прошло. Ходил Нерм с угольными волосами, ел через два дня на третий, жил один. На восьмой год увидел клыкастого красного коня, бывшего копытом в ворота.

– Не тебя жду, – сказал тогда. – Ты не донесёшь меня, сбросишь.

Снова услышал, как тащат мимо его дома в пропасть других.

Пошёл после этого к самым толстым, так сказал:

– Зачем вы защищаете именно себя? Рыжих и вдовых тоже бросают в пропасть. Увидят, что заботитесь только о себе – только столкнут вас быстрее.

Замолчали толстые. Пошёл после этого к рыжим, так сказал:

– Зачем вы защищаете именно себя? Толстых и вдовых тоже бросают в пропасть. Увидят, что заботитесь только о себе – только столкнут вас быстрее.

Замолчали рыжие. Обошёл затем вдов и вдовцов, так сказал:

– Зачем вы защищаете именно себя? Толстых и рыжих тоже бросают в пропасть. Увидят, что заботитесь только о себе – только столкнут вас быстрее.

Замолчали те. Вернулся Нерм к себе, больше не слышал криков под окнами. Семь лет спал в тишине. На восьмой год увидел золотого крылатого коня, стоявшего у него во дворе.

– Верно, ослабло чудовище от голода! Спустишь на дно пропасти, добыю его.

Взял длинный нож, вскочил верхом на коня. Тотчас тот по воздуху побежал, принёс Нерма живым на самое дно пропасти. Увидел Нерм огромную кучу тел, свежих и почерневших; ещё увидел мёртвое чудовище с огромным раздувшимся животом.

– Сэвохи обещал, что это я убью чудовище, – сказал тогда Нерм.

Кивнул ему золотой конь. Сбросил Нерма на дно, один наверх побежал. Остался Нерм живой в пропасти, где из всей пищи было только множество мёртвых тел. Больше его наверху никто не видел.

Обруч с золотой искрией

По ту сторону ночи жил в долине мальчик-сирота. Остались ему от родителей дом и сад. Однажды утром вышел он в сад, видит: вытоптан сад за ночь, клыкастые крылатые кони объели цветущие ветки. Лишь две чёрные птицы сидят на остовах деревьев: одна поёт-плачет, вторая кричит-зовёт. Прогнал мальчик обеих птиц, сам отправился на гору к великану. Так попросил:

– Сад мой больше не станет меня кормить, моими руками его не спасти. Дай мне из своих сокровищ такое, чтобы вся земля стала меня кормить, чтобы клыкастые кони подчинились мне!

Дал ему великан железный обруч с золотой искрией, так сказал:

– Станешь носить это – клыкастые кони пойдут за тобой; вся долина станет твоим садом.

Надел мальчик железный обруч; прилетели клыкастые кони, пошли вслед за ним. Вернулся в свою землю в долине. Стал там через несколько зим правителем. Цвели в долине сады, прятались в лесах на склонах чёрные птицы.

Однажды пришёл к этому правителю человек в золотой одежде, с чёрным ошейником на горле. Так сказал:

– Нападут на твою страну, вытопчут каждый сад и каждое поле, где цветёт искрия.

Прогнал правитель того человека прочь. Сам воинов отправил к выходам из долины, за землями соседей смотреть. Вскоре шлют ему гонца: подогнали соседи к своим границам своих стрелков и щитников. Выступил тогда правитель на клыкастом коне, напал первым, разбил соседей, захватил их земли. Вытоптали сады и поля, переплавили золотую искрию из венца их королевы.

Снова охранять стали воины выросшие границы. Снова гонец к правителю примчался: другие соседи ко входу в долину пришли, конные и пешие. Снова выступил правитель, разбил соседей, захватил их земли. Вытоптали сады и поля, переплавили золотую искрию из венца их королевы.

Снова охранять стали воины новые границы. Пришёл потом к правителю человек с серым туманом в глазах, так сказал:

– Теперь твои границы рядом с большим врагом. Корона его из чёрного железа, железные травы растут вокруг его дворца. Воинов они к границам стягивают, втрое их больше, чем у тебя осталось. Вытопчут в твоей земле каждый сад и каждое поле, где цветёт искрия.

Правитель отправился ночью к пропасти, из которой поднимался туман, вынул искрию из обруча и бросил её вниз. Возвращается назад, видит: снова чёрные птицы сидят у входа во дворец, одна поёт-плачет, вторая кричит-зовёт. Схватил этих птиц, придушил. Утром велел в стену дворца замуровать.

Повёл после этого своих воинов, разбил соседей, захватил их земли, занял дворец с железными травами. Больше чёрные птицы не плакали в его лесах, но и искрия не росла в полях.

Семь лет ещё правил. На восьмой год оставил на своём троне железный обруч, спустился и ушёл к пропасти, из которой поднимался туман. Больше его в той долине не видели.

Красно-золотой зверь

По ту сторону ночи жили мальчик и девочка. Раз принёс Хет к их дому чёрный дождь. Пробилась вода, залила очаге, умер красно-золотой домашний зверь. Завяла трава вокруг дома, снег лёг на землю. Увидел это мальчик, сказал:

– Где нам взять нового домашнего зверя? Есть такой у мохнатого народа на севере, но не даст нам его мохнатый народ просто так.

Ответила девочка:

– Есть такой и у чешуйчатого народа на юге, но не отдаст его чешуйчатый народ просто так.

Тогда мальчик с девочкой отправились на гору к великану, просить помощи, большого подарка, нового красно-золотого зверя. Поднялись, видят – завален валуном вход в пещеру, перед валуном что-то блестит. Подбежал туда мальчик:

– Смотри, какое крепкое светлое железо лежит! Оно неровное и тупое, но не беда. Заточу это оружие, оно поможет мне отобрать домашнего зверя у мохнатого народа.

Подошла вслед за ним девочка, сказала:

– Смотри, какой красивый камень рядом! Он тяжёлый, но блестит, как золото. Дотащу до чешуйчатого народа – обменяю на домашнего зверя.

Так оба сделали. Мальчик взял большое, великанье оружие, наточил, отправился на север. Там убил многих из мохнатого народа, забрался в их дом, унёс оттуда в горшке горящие угли. Гнался за ним мохнатый народ. Так бежал мальчик, что тяжёлое оружие бросил, только горшок до дому донёс.

Девочка потащила-поволокла узорчатый камень. Через холмы тащила, через леса тащила, через болота тащила. Добралась до чешуйчатого народа, предложила торговать. Обменяла камень на горшок с горящими углями. С ним домой вернулась

Ссыпали они угли в очаг, снова красно-золотой зверь над камнями поднялся. Растаял вокруг дома снег, трава расти стала. Так жили дети девять лунных кругов.

Вновь Хет прилетел к их дому, вновь залил всё чёрным дождём. Увидел это мальчик, сказал:

– Неужели нам снова идти к великану? У меня ещё не зажили шрамы с прошлого похода.

Ответила девочка:

– Только б великан дал нам что-нибудь полегче! У меня нет сил снова тащить такую тяжесть так далеко.

Отправились вновь на гору. Видят – снова закрыта пещера валуном, перед пещерой блестят камень и металл. Не тронули дети выложенного, стали звать-кричать, стучать по валуну. Откатился валун, вышел вместо великана человек со змеиной чешуёй, с птичьими перьями. Спрашивает:

– Зачем вы подарки великана в тот раз на север, на юг утащили? Вернул я их на место.

– Мы похищали себе домашнего зверя, мы выменивали себе домашнего зверя, – ответили дети.

– Если вы каждый год будете похищать его или выменивать, делайте так же.

– Мы не хотим. Нам просто нужен красно-золотой житель очага.

Тогда человек отломил чешуйчатой рукой кусок узорчатого камня, оторвал оперённой рукой маленькую полоску металла. Щёлкнул ими – искры посыпались, упали на древесную труху и мелкие ветки на земле. Загорелась труха, красно-золотой зверёныш по веткам побежал. Сказали дети:

– Эти кусочки такие маленькие! Мы легко сможем их поднять, мы сможем сами делать искры!

Оставил человек детям тогда осколок камня, полоску металла, ушёл обратно в пещеру. Унесли дети подарки с собой, больше за красно-золотым зверем не ходили ни на гору, ни на север, ни на юг.

Мастер морского царя

По ту сторону ночи жил один рыбак. Раз вышел в море: волнуется море, слуги морского царя волны поднимают, за борта лодки хватаются. Крикнул он:

– Не надо забирать меня, я просто бедный рыбак! Отпустите, я приведу морскому царю мастера, какого нет в подводном царстве.

Отпустили морские жители борта лодки, разгладили волны. Вернулся рыбак домой. Взял сына, вывез в море, оставил.

Спустился мальчик в глубины, увидел морского царя, попросил:

– Отпусти меня обратно, ходить по земле, дышать ветром, греться на солнце!

– Это люди ходят по земле и дышат ветром, – ответил морской царь. – Ты теперь мастер подводной страны.

Остался мальчик. Научился делать вещи из раковин, кораллов, жемчуга. Сделал огромную рыбу из раковин. Сказала рыба:

– Держись за меня, я унесу тебя вверх за устье реки, прочь из морского царства!

Мальчик взял рыбу, отнёс морскому царю. Другие подводные мастера своих рыб из раковин царю принесли. Всех похвалил и наградил царь, никого не отпустил.

Сделал тогда мальчик из белых кораллов птицу. Сказала птица:

– Держись за меня, я подниму тебя и унесу к птичьим скалам, прочь из морского царства!

Мальчик взял птицу, отнёс морскому царю. Другие подводные мастера своих птиц принесли. Всех похвалил и наградил царь, никого не отпустил.

Доплыл тогда мальчик до затонувшего корабля. Нашёл в нём золото, сделал солнечную лодку.

– Садись в меня, – сказала ему лодка. – Я увезу тебя в яркий солнечный мир, прочь из морского царства.

Мальчик взял лодку, отнёс морскому царю. Другие подводные мастера увидели золото, закрыли руками глаза:

– Мы не можем смотреть на этот огонь, слишком яркий для подземного царства.

Тогда мальчик поставил лодку перед морским царём, сам поднялся к поверхности моря. Дышал ветром, грелся на солнце. Огляделся, не увидел рядом земли. Так плавал и дышал до вечера, пока не стемнело. Тогда подводные жители поднялись и уволокли его обратно, в страну морского царя.

Мёртвое поле

По ту сторону ночи, в стране гнуров, жил один старик. Было у него три сына: старший – сильный, средний – умный, младший – красавец.

Поле перед их домом год за годом приносило всё меньший урожай. Раз летом глянули на колосья, вернулись в дом, собрались на совет. Сказал сыновьям старик:

– Пока наше поле живо, идите к туру в роще за ним, приведите его домой.

Отправился старший сын через больные колосья к роще. Видит, полно в роще синих и золотых цветов. Бродит по роще тур, на рогах его гнездо из сини и золота, в гнезде птица сидит. Подошёл старший брат к туру, до рогов дотянулся, к себе потянул. Поглядел на него тур, с места не сдвинулся. Бился-бился старший брат – не идёт, только голову отворачивает. С тем ушёл старший брат. Ночью старик и сыновья слышали, как тур трубит.

Отправился на другой день средний сын через опавшие колосья к роще. Посмотрел на него издали, приближаться не стал. Поджёг в поле засохшие стебли, побежал после этого к роще, крикнул туру:

– Смотри, огонь с поля в рощу идёт! Иди скорее к нам, пока он не загнал тебя к ледяной реке!

Не пошёл тур, не улетела птица. Убежал средний брат от огня сам. Как прошёл пожар, вернулся и видит: бродит в почерневшей роще тур с опалёнными боками, копытами из-под углей живые цветы выкапывает, синие и золотые, птица на его рогах плачет. Вновь ночью старик и сыновья слышали, как трубит тур.

Младший брат тогда надел лучшую свою одежду, золотые браслеты, цветок шиповника в волосы вплёл. Пришёл через чёрное поле к роще, позвал птицу:

– Смотри, какое золото у меня есть для тебя, какие цветы у меня есть для тебя! Иди со мной!

Приподнялась из гнезда птица, запела для него.

– Иди со мной прочь из этой гари, черны в ней деревья и мертвы цветы. Твой тур пусть идёт за тобой, если хочет, – продолжил младший сын.

Опустила крылья птица, осталась на турьих рогах. С тем ушёл младший брат. Вновь ночью старик и сыновья слышали, как трубит тур.

Сам старик тогда взял оружие, отправился через мёртвое поле к роще. Видит: заняты рога тура гнездом, не наклоняет он их, не бодается. Подошёл к туру, ударил и ранил его в грудь.

– Иди со мной, – сказал он. – Не копыть землю тут, оживи моё мёртвое поле.

Поднялась тогда птица из гнезда, освободила туру рога. Полетела прочь, к ледяной реке. Затрубил тур, не стал старика бодать, за птицей побежал, бросился в реку. Больше о нём на этом берегу не слышали.

Корзинка

По ту сторону ночи, по лесу вдоль речки, шёл однажды человек. Ночевал, позабыл на месте большую корзину. Осталась корзинка лежать.

Гроза в лесу началась. С разных сторон к корзинке подошли бокра и пяпран, искали, где от грозы спрятаться. Забрались оба под корзину. Сказал пяпран:

– Ты мягкая и пушистая, с тобой под корзиной тепло, как дома.

Ответила бокра:

– Ты высокий и длинноухий, ты можешь увидеть, услышать и притащить в дом много интересного.

Кончилась гроза. Остались пяпран и бокра жить в корзине.

Повёл пяпран бокру к своему стаду, знакомиться. Стали пяпраны на бокру смотреть, уши ей хватили и вытягивали. Верещала бокра, молотила пяпранов лапами. Пошли пяпраны пастись, бокра за ними. Пяпраны гуляют, кыплики едят, друг другу ушами машут. А бокра никому в ответ ушами не машет, только принесла на пастбище пень и стала его громко грызть.

В другой раз пошёл пяпран со своим стадом купаться, бокру с собой позвал. Полезла бокра в воду вдалеке от всех пяпранов. Вымокла вся шерсть, выскочила бокра из холодной воды. Убежала от берега, нашла пень, громко грызть стала.

Больше пяпран её с собой не водил. Сам возвращался в корзину весь в репьях. Репьи кололи бокру в бок, тесно в корзине было.

Сказала тогда бокра:

– Я знаю, что надо сделать. Иди к Неспящей Старухе, она тебя вылечит. Больше не будешь приносить в корзину репья, перестанешь лезть в холодную воду и водиться с тем стадом.

Пяпран согласился, никуда не пошёл. Тогда бокра притащила пень прямо в корзину и стала грызть его прямо там. Скоро вся корзина и земля вокруг были завалены стружкой и клочьями драной шерсти. Стали говорить пяпран и бокра, что дальше в этой корзине вместе жить невозможно.

– Куда же деться? – спросила тогда бокра. Принесла новый пень побольше и начала грызть его. Лежал рядом с ней пяпран, потом от поднявшейся пыли наконец чихнул. Развалилась тогда корзина надвое.

Ушла бокра на сухой-сухой пустырь, подальше от речки. Забилась там в старый ствол, так сказала:

– Когда пяпрана Неспящая Старуха вылечит, вот тогда я и разрешу ему придти сюда ко мне жить.

А пяпран отправился к своему стаду, и держался с тех пор подальше от пустыря, от Неспящей Старухи и особенно от забытых корзинок.

Птица, которая возвращалась утром

По ту сторону ночи поссорились однажды гырки и гнуры. Пришли гырки, дома гнурские пожгли, скот забрали. Обещали вернуться вскоре, если гнуры дань не пришлют. Прислали гнуры дань: припрятанное золото для пучпыков и маленького гнура.

Притащили гырки гнура в посёлок. Тыкали в него палками, веселились.

– Помогите мне, кто-нибудь!

Тогда с крыши одного из гнурских домов слетела птица с белыми и золотыми перьями, села на плечо маленького гнура, крылья за его головой расправила. Отпустили тогда гырки гнура, стали птице лакомства приносить, гнур от них тоже себе взял. Сказала ему птица:

– Беги сейчас из селения, не оставайся здесь до ночи.

– Не примут меня обратно домой, а больше мне некуда идти.

Вечером птица оставила его, улетела. Увидели гырки, крикнули:

– Смотрите, птица гнурского заморыша бросила!

Снова схватили маленького гнура, вытащили на середину деревни, стали бить прутьями, в грязи вывалили, к столбу привязали, так оставили. Утром вернулась птица, снова к гнуру подлетела, на гырков шипеть стала. Отвязали те гнура, отпустили, принесли птице и ему воды и пищи. Сказала гнуру птица:

– Не оставайся здесь, беги сейчас, за день ты успеешь далеко уйти.

Но маленький гнур только лежал и дышал, и пил принесённую воду.

Снова вечер настал, снова птица улетела. Стали смеяться тогда гырки, схватили маленького гнура, вытащили на середину деревни, стали бить прутьями, в грязи вывалили, к столбу привязали, так оставили. Утром вернулась птица, снова к гнуру подлетела, на гырков шипеть стала.

Отвязали гнура, сказал он тогда:

– Не оставляй меня, птица, не улетай на ночь!

– Я обязательно улечу в ночное путешествие, – сказала птица. – Лучше беги сейчас, пока утро и мои перья защищают тебя.

Но маленький гнур остался на месте и лежал, держась за птицу руками.

Вечером высвободилась птица из его рук, улетела. Снова стали смеяться тогда гырки, схватили маленького гнура, вытащили на середину деревни, стали бить прутьями, в грязи вывалили, к столбу привязали. Утром вернулась птица. Тогда маленький гнур, как только руки ему освободили, схватил птицу и свернул ей шею. Крылья оборвал, себе приделал; перья повывергал, себе прилепил. Сказали тогда гырки:

– Смотрите, гнурский заморыш сам стал птицей, которая возвращается утром!

Стали носить воду и лакомства. Остался он у них жить. Днём бродил по селению, брал что хотел, под вечер ловил и бил самых маленьких из гырков. Ночью сидел и приклеивал отваливающиеся перья. Семь лет прошло – только половина перьев птицы у него осталась. Тогда в одну из ночей встал и отправился прочь. Нашёл другое селение, показался у ворот. Сказали жители:

– Смотрите, какой гнур, весь в перьях! Что ты сделал с птицей, которая возвращается утром?

Не стал отвечать, убежал. Так долго бродил, подходил к селениям; везде его спрашивали про птицу, которая возвращается утром. Вернулся тогда к гыркам, называвшим его птицей, жил дальше у них, пока последнее прилепленное перо не потерялось. Тогда спрятался от всех в самый глубокий погреб. Там умер.

Белая плесень

По ту сторону ночи, в стране арофов, жил один садовник. Однажды ночью пролетал над теми краями Хет. Вышел утром садовник, смотрит: черви погрызли его деревья, белая плесень легла на основания кустов.

– Больше здесь не будет плодов, – сказал он тогда.

Собрался в дорогу, закрыл за собой ворота, накрепко заколотил их. Отправился в путь, добрался до жившего в тех краях гончара. Видит, сидит тот у себя во дворе, горшки лепит; из дома его кашей горячей пахнет и кыжмовым напитком.

– Давай я тебе помогу, – сказал тогда бывший садовник.

– Незачем мне помогать, – ответил гончар. – У меня всё в порядке.

– Слышал я, – сказал тогда садовник, – что тем, кто обижает обездоленных и отказывает в пище голодным, в этих краях телегу грязи перед воротами вываливают.

– Ты обездолен или голоден? – спросил его гончар.

– Я просто хочу тебе помочь, – ответил тот. Продолжал стоять перед воротами до самого вечера, пока гончар работал. Наконец, тот впустил его и накормил ужином. Оставил ночевать.

Утром видят оба: сохшие вчерашние горшки треснули, не годятся в обжиг.

– Видишь, – сказал бывший садовник. – Тебе всё-таки нужна помощь.

Остался у гончара на следующий день, помогал ему в работе. На следующее утро встают, видят: снова горшки не получились, разваливаются.

– Иди лучше прочь, – сказал тогда гончар.

– Как я тебя в беде брошу?

Вытолкал тогда гончар пришедшего за ворота, крепко запер их изнутри. Сам стал снова работу исправлять. Ушёл тогда бывший садовник, нашёл приют у травника. Днём помогал ему, тырмовую кашу ел; на ночь уходил тихонько.

Через несколько ночей появилась перед домом гончара большая телега грязи, с отломанными колёсами, с белой плесенью сверху. Увидели это окрестные жители, сказали:

– Гончар обидел обездоленного, не накормил голодного. Теперь его работа ничего не стоит, можно приходить и брать.

Сломали запертые ворота, вошли к гончару, забрали доделанные горшки, перебили остальные. Травник и его гость смотрели на это. После гончар вышел, стал уносить грязь от своих ворот. Всю убрал, и ломаную телегу тоже утащил.

На другой день окрестные жители так сказали:

– Мы видели, как гончар убирает грязь – он скрывает, что сделал!

Снова пришли к гончару, взяли в его доме, что им понравилось, разломали остальное. Собрал тогда гончар оставшееся добро и перебрался далеко за реку, куда соседи не доходили.

Бывший же садовник остался жить у травника и помогал в работе, пока огород его не вымер от белой плесени, а окрестные перелески не стали вытопанными и обедневшими. Даже тогда не бросил травника в беде, и тот не отказывался делить с ним последнюю пищу. Так они жили долго и голодно, а Хет всё кружил над тем краем, дожидаясь, когда его наконец отпустят.

Плавающий остров

По ту сторону ночи шёл по берегу моря один бродяга. Видит: плавающий остров идёт, на острове чудище хвостатое лежит.

– Морское чудище, – говорит бродяга. – Зачем ты подняло себе со дна остров? С хвостом, с плавниками ты и без него по морю плавать можешь. Это мне нужны суша и лодка, без них мне ночь не отдохнуть, море не перейти.

– Я могу дать тебе остров, – ответило чудище, – но ты взамен кое-что сделай.

– Что ты хочешь? – спросил бродяга.

– Достань мне золотых колосьев, что растут на дальней суше, – сказала морское чудище.

– Тогда дай мне остров сейчас, я поплыву к тем берегам, где такие колосья растут. Через луну они у тебя будут.

Чудище оставило остров и нырнуло в море. Бродяга взошёл на плавающий остров, отправился на нём за море, куда волны понесли. Почти луну плыл, добрался до берега, где жил мохнатый народ. Увидел плавающий остров мохнатый человек, говорит:

– Хозяин острова, отвези меня к чешуйчатому народу! У меня есть камни с наших холмов, я хочу отправиться за раковинами с их берега.

Взял его рыбак на свой остров: часть камней себе оставил, остальные мохнатый человек на остров в корзинах затащил, для чешуйчатого народа. Ночью мохнатый человек заснул, неслышно поднялось из моря чудище, корзины разглядывало. Проснулся бродяга.

– Достал ли ты мне солнечные колосья? – шепнуло чудище.

– Нет, – ответил бродяга. – Не сказал мне о них мохнатый народ ничего.

– Если не достанешь хотя бы сноп до следующей луны, я утоплю этот остров обратно на дно.

С тем ушло чудище в глубину. Утром проснулся мохнатый человек, ничего ему бродяга не сказал. Доплыли до чешуйчатого народа, спустился мохнатый человек меняться. Увидел остров чешуйчатый человек:

– Хозяин острова, отвези меня к горному народу, кующему железо!

Взял его рыбак на свой остров: часть раковин себе оставил, остальные чешуйчатый человек на остров в корзинах затащил, для горного народа. Ночью оба гостя заснули, неслышно поднялось из моря чудище, корзины разглядывало. Проснулся рыбак, хозяин острова.

– Достал ли ты мне солнечные колосья? – шепнуло чудище.

– Нет, – ответил бродяга. – Не сказал мне о них чешуйчатый народ ничего.

– Если не достанешь хотя бы колос до следующей луны, я утоплю этот остров обратно на дно.

С тем ушло чудище в глубину. Утром проснулись гости, ничего им бродяга не сказал. Доплыли за луну до горного народа, обменяли камни и раковины на железо. Обратно отправились. Ночью гости заснули, неслышно поднялось из моря чудище, корзины разглядывало. Проснулся рыбак, хозяин острова.

– Достал ли ты мне солнечные колосья? – шепнуло чудище.

– Нет, – сказал рыбак. – Не сказал мне о них горный народ ничего.

– Тогда я утоплю этот остров прямо сейчас!

Ухватило остров, в глубину потащило. Рыбак закричал, стал чудище бить. Проснулись тут мохнатый и чешуйчатый гости, видят – соскользнули их корзины, камни, раковины и железо под воду, бродяга с чудищем в волнах борются. Поплыли тогда спастись сами, к дальнему берегу. Плавающий остров же затонул, со всеми своими сокровищами.

Твари, которые не кусаются

По ту сторону ночи, в стране гнуров, у подножия высоких гор жил одноглазый рыбак. Ходил он на промысел к большому глубокому озеру, добывал рыбу.

Раз пришёл, видит – пещерная тварь далеко на берегу сидит, тоже снасти в воду закидывает. Помахал ей рыбак, сел с удочкой на своём месте. Так много дней вместе ловили, руками-лапами друг другу махали. Однажды рыбак прошёл по берегу, к твари поближе. Поскользнулся на крутом спуске, на корзинку твари свалился, всю пойманную рыбу вывернул прямо в воду.

Схватила пещерная тварь одной рукой свою корзинку, второй – рыбака.

– Зачем мою рыбу в воду выбросил?

– Я поскользнулся и упал на неё, – ответил рыбак.

Пещерная тварь отпустила его, собрала рыбу, сколько не уплыло, села дальше удить.

– Так я и знал, что пещерные твари на самом деле не кусаются, – сказал рыбак.

– Разве мы не кусаемся? – спросила тварь и потрогала свои длинные и острые зубы.

– Ты же меня не загрызла! Ты хорошая! – сказал рыбак.

– Я не хочу тебя загрызть, – сказала тварь. – Я хочу ловить вместе с тобой рыбу.

– Ты просто не можешь меня укусить, – сказал рыбак и подсел поближе.

Тогда тварь отвернулась от него и замолчала. Дёргал её рыбак, теребил, потом ушёл. А тварь ушла в свою пещеру и там легла болеть. Семь дней так лежала, на восьмой вылезла из нижних пещер её сестра. Расспросила про болезнь. Рассказала пещерная тварь об одноглазом рыбаке.

Пошла сестра на берег озера, с удочкой и корзинкой. Долго ждала на берегу. На следующее утро только пришёл одноглазый рыбак, сразу к ней отправился.

– Пещерная тварь, отчего ты сидишь на берегу, но не ловишь рыбу?

– Я жду тебя, я собираюсь тебя загрызть, – ответила та.

– Но ведь пещерные твари не кусаются, – сказал рыбак. – Вы хорошие!

Он спустился к ней по крутому склону и сел рядом. Сестра набросилась на него, загрызла и съела. Стала вверх по склону карабкаться, тут ей живот скрутило. Осталась сестра у воды сидеть.

Тем временем к берегу сама пещерная тварь пришла, вставшая после болезни. Видит – сестра у воды сидит, тошнится, рядом две пустые корзины и две удочки лежат.

– Чем ты отравилась? – спрашивает.

– Одноглазым рыбаком, – сказала сестра. – Я не хорошая пещерная тварь, я его загрызла и съела.

– Лучше есть рыбу, – покачала головой пещерная тварь. – Она гораздо вкуснее.

– Я знаю, – ответила сестра. – Но зато я могу быть злой и кусаться!

Тогда пещерная тварь спустилась к сестре, помогла ей подняться и добраться до пещеры.

– Я что-нибудь должна тебе за этого рыбака, которого ты сегодня потеряла? – спросила её сестра.

– Нет, – ответила пещерная тварь. – Я потеряла его девять дней назад.

Оставила сестру в пещере выздоравливать, сама отправилась ловить рыбу одна.

Пчелиная тропа

По ту сторону ночи, за лесом, у ржавого холма жил маленький народец. Рыжие съедки собирали, плавкий камень из холма поднимали. Всё меньше плавкого камня было в холме, всё больше маленький народ трудился, чтобы меняться потом с живущими за лесом.

Однажды в ночь Читанды относили на край леса клубни съедков. Сказал тогда старший из маленького народца:

– Какие жесткие и пресные у нас съедки! Вот бы у нас водился тот вкусный хлеб, что едят большие народы.

Был среди них один, по имени Герк, который избегал работать в холме, только за съедками ходил. Заблудился, далеко зашёл. Набрёл на чужое кострище, нашёл оставленный мешочек с коричневыми семенами. Унёс с собой, обратно к ржавому холму. Семена старшему показали, тот ответил:

– Они похожи на то, из чего большие народы делают хлеб.

Герк не стал делать хлеб. Отнёс семена в сторону от ржавого холма, поле сделал. Как вошли посева, перебрался к полю, хижину поставил. Пришли к нему сородичи, сказали:

– Почему ты со всеми не живёшь, в холм работать не приходишь?

– Там отравленная земля, я больше не могу по ней ходить.

– Ты на этой земле родился, тебе не может быть от неё плохо.

Привели Герка обратно, отправили со всеми в холм поднимать плавкий камень. Работал он сперва, потом лёг и не вставал. Называли его остальные лентяем, стали пинать. Не подни-

мался. Тогда выкинули его прочь из холма. Ночью уковылял обратно к своей хижине. Там дальше жил.

Время прошло, заметили жители ржавого холма: пчёл в это лето много собирается, Эиль белые лепестки на холм заносит, в ямы холмовые закидывает. Как ни идут работать – белыми лепестки глаз отвлекают. Отправились к Герку. Там поле белым зацвело, над полем пчёлы жужжат, возле поля ульи поставлены. Говорят Герку:

– Что ты тут цветочки выращиваешь, пока все работают? Замусорил уже весь холм их лепестками.

– Они скоро отцветут, – сказал Герк, – Это кончится.

– Мы не можем работать, пока их видим.

Схватили Герка, потащили к холму, заставили убирать всё то, что принёс ветер. Только ночью Герк от них ускользнул. Ходили ещё в ту сторону жители холма, кусали их там пчёлы. Перестали ходить.

Осенью стал ветер приносить к ржавому холму вкусный тёплый запах. Отправились жители к полю, видят: печёт Герк на огне лепёшки.

– Дай нам, – попросили они.

Герк дал им попробовать лепёшки с мёдом, и был это вкусный хлеб, как у большого народа.

– Наконец ты полезным делом занялся, – сказали тогда сородичи. – Идём, мы поможем тебе отнести все эти зёрна в общее хранилище.

– У меня нет зерна на всех. Я вырастил столько, что хватит мне – и ещё немного.

– Это общая земля, ты не можешь забрать одному себе то, что на ней выросло, – сказал тогда старший из маленького народца. – Или ты будешь жить рядом с нами и растить зерно для всех, или ты уйдёшь.

Тогда Герк взял одну горсть зёрен и ушёл прочь от ржавого холма. По дороге часть зёрен просыпал; где уронил – потом пчелиные белые цветы росли, дикие метёлки с зёрнами пробивались.

Жители ржавого холма унесли зёрна, ели их потом, смешивая со съедками, чтобы надолго хватило. Самую большую долю получали те, кто принёс зёрна Герка в общее хранилище. Была эта еда жёсткой и пресной. А самые ленивые из них в следующие годы отказывались поднимать плавкий камень из ржавого холма, уходили по пчелиной тропе за лес, туда, где живёт большой народ.

Желания одного мальчика

По ту сторону ночи жил один мальчик. В своём доме жил, были у него сад, корова и свинья.

Однажды шёл мальчик домой, нёс большую корзину с яблоками. Видит – лошадь у его крыльца стоит, копытами по доскам стучит, крыльцо уже почти поломала. Спросил мальчик лошадь, что она здесь делает. Ответила:

– Я живу на Овсяных Полях, но я заблудилась! Скажи мне, где я и как мне добраться до дома?

Мальчик не сказал про крыльцо, только поставил корзину с яблоками во дворе, ответил:

– Пошли, отведу тебя домой.

Они с лошастью пошли со двора прочь, по дороге и по лугам. Пока шли, свинья во дворе у мальчика нашла корзину с яблоками, раскатала их по двору и сожрала. До Овсяных Полей дошли, говорит лошадь:

– Спасибо, теперь я дома! Ты хороший, давай дружить!

Мальчик поглядел в сторону своего дома, ответил:

– Пока мы сюда шли, свинья съела мои яблоки. Ты плохая, не буду с тобой дружить. И пусть у тебя теперь самой яблок не будет.

На том ушёл, жил у себя в доме дальше. Ворота закрывать стал, чтобы к крыльцу прямо не подходили.

В другой раз колотил перед крыльцом дрова, видит – медведь к воротам подошёл, лапами в ворота колотит, чуть ворота не сносит. Спросил мальчик медведя, что тот делает. Ответил медведь:

– Пчёлы меня покусали, нос болит! Я его мёдом мазал-мазал, не проходит! Что мне делать, куда за лекарством бежать?

Мальчик не сказал про ворота, только поставил топор во дворе и ответил:

– Жди, принесу тебе лекарства.

Принёс медведю напиток, вышел сам за ворота на травяной луг, там стеблей для лекарства собрал. Пока ходил, корова его во дворе на брошенный топор наступила, ногу покалечила. Вернулся мальчик, смазал лекарством медведю нос. Говорит тот:

– Спасибо, теперь не болит! Ты хороший, давай дружить!

Посмотрел мальчик туда, где пораненная корова лежала, ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.